

Валерий Большаков

Целитель

Пятилетку в три года!

16+

Валерий Петрович Большаков

Целитель. Пятилетку в три года!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67224102
SelfPub; 2024*

Аннотация

Несколько лет Михаил Гарин, инженер-айтишник из 21 века, живет в 70-х годах века двадцатого. Пишет компьютерные программы, совершает открытия, чуть ли не мешками посылает в Политбюро «подметные письма», скрывается от спецслужб нескольких стран... Но вот, наконец, минимальный план выполнен – СССР уверенно встал на новый курс, изменения во внешней и внутренней политике государства меняют русло истории, распад страны перестает маячить «на горизонте». А для Миши наступило время задуматься о собственном будущем, проанализировать свои ошибки и достижения, составить новый план – теперь уже максимальный, ведущий Советский Союз к вершинам прогресса, к построению самого настоящего коммунистического общества. Вот только хватит ли у Гарина знаний? Или стоит подключить к «построению мечты» современников?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

86

Валерий Большаков

Целитель. Пятилетку в три года!

Валерий Большаков

ЦЕЛИТЕЛЬ-5

ПРОЛОГ

*Пятница, 2 января 1976 года. Утро
Московская область, Комаровка.*

– Э-ге-гей! – разнесся глуховатый голос Колмогорова, плутая среди распушившихся елочек и унылых, продрогших берез. – Догоняйте!

Ученики и редкие ученицы физматшколы загомонили, весело и звонко откликаясь. Наддали, шелестя лыжами. Радостные взвизги и ломкий отроческий хохот загуляли по лесу, множа таявшие эхо.

Я не спешил догонять и перегонять. Скользил по лыжне последним, наслаждаясь легчайшей стужей и отборно-чистым воздухом. Впереди мелькала оранжевая куртка «ежики» – так в ФМШИ звали учениц, постигавших вышмат в

классах «Е» и «Ж».

«Ежиха» постоянно ойкала и теряла равновесие, хохоча над собственной неуклюжестью, а я методично работал палками, выдерживая дистанцию – потакал своей тяге к одиночеству.

Хотелось обдумать житие, расставить вехи на будущее. Ведь столько важных – важнейших! – вопросов толклось в голове, а мне всё некогда было сесть да рассудить. Целый год суету наводил, в прятки с Андроповым играл. Всё норовил сломать естественный ход исторического процесса. А стоило ли?

Нет, я прекрасно помню, как крайний генсек подался в изменники Родины, и не забуду разруху в «святые девяностые». Но разве распад СССР был случаен? Ведь наверняка в грозном крушении государства наблюдались и закономерности. А какие? А в чем?

Конечно, куда проще напрягать мышцы, чем извилины. Бегать от чекистов, слать подметные письма мешками, снимая исторические случайности, вроде Афгана... А хватит ли твоих усилий, «бла-ародный дон Румата»?

Хорошо улитке на склоне Фудзи – ползи, да ползи вверх, до самых высот! А остановит ли улитка неуправляемый ход дорожного катка? Тормознет ли хоть на миг?

Лыжи ширкнули, вписываясь в поворот. Заиндевелившие елочки переливались на солнце, блестя и сверкая белой морозной опушкой, как будто искусственные. «Ежиха» впереди

пискнула, задевая ветку сосны, и снег осыпался, клубясь серебрищейся пылью.

«Всё-то ты знаешь, как не надо, – нудные мысли потянулись заново. – А как надо? Куда дальше двинет история, ты в курсе?»

Нет, в самом деле, на что полагаться? Ведь прогресс удалось-таки подпихнуть – запустилась цепная реакция перемен! Настоящее делается иным, хоть это и заметно лишь одному мне, а будущее заволакивается непроглядным туманом. Еще года два, от силы, и всё мое послезнание уподобится гаданьям цыганки.

Сделает товарищ Брежнев втык Гереку, раскрутится Восточный Общий рынок – и никуда Польша от нас не денется. Вразумит мой двойник Джеральда Форда – и тот пропишется в Белом доме на второй срок, послав Джимми Картера лесом. Раскинется Израиль от Суэцкого канала до самых, до окраин – и притянет арабов, как Штаты – мексиканцев...

«Нормально, Григорий? Отлично, Константин!»

Не слыша ойканья «ежихи», я поднажал. Заснеженные ели и сосны живей промахивали за спину, качая колючими лапами, словно болельщики вдоль лыжной трассы.

«А может, я просто выдохся? – думалось рывочками. – Притомился убегать, таиться, изворачиваться... Ну, и правильно. Сколько можно? Ты бы лучше не ванговал, а товарища Староса радовал!»

Улыбка тронула губы, стоило вспомнить о Зеленограде, о

тамошнем головастом народе, кудесах и диковинах.

«Вот «Турбо Паскаль» – это мое, – кивнул я своим мыслям. – Управлюсь за полгода. Хм. Если хорошенько постараюсь. И сервер доведу до ума, и редакторы...»

Впереди опять заголосили. Выхав на опушку, я увидел юных математиков, разлаписто штурмовавших пригород. Они шумно карабкались наверх, вминая лыжами «елочки» на снегу, падали и хохотали, изнемогая от простейшего счастья жить, двигаться, ловить блеск девчоночьих глаз. И краснеть ничуть не стыдно, ведь все румяные!

Академик и сам заливался с «перевала», как царь горы. В синем спортивном костюме и шапочке с помпоном, он выглядел свежо и молодо. Гикнув, я скатился под уклон и погнал по хрусткой снежной целине в обход истоптанной и заезженной возвышенности.

Стоило мне отринуть «взрослые» рефлексии, как тут же в глубине моего естества затрепетал незатейливый восторг. Солнце выбивало искры из шуршащего снега, и лыжи будто сами несли меня, послушные гибкому телу.

– Догоняйте! – натужно вытолкнул я, оставляя галдеж за спиной.

Снова один, но никого впереди, ни «ежа», ни «ежихи», и только лыжня укатывается в чащобу, виляя между стволов. Хорошо!

– Догнать! – азартно гаркает Колмогоров. – И перегнать!
«Ага... Щаз-з!»

Запорошенный снежной пылью, я бежал, наращивая темп, уворачиваясь от веток, рассекая солнечные лучи, как финишные ленточки...

* * *

– Привал!

Воткнув лыжи в пухлый снег, Колмогоров жадно дышал, собирая льдистый воздух. Отстегнув крепления, я пристроил свои «Телеханы» у чахлой сосенки, поглядывая на академика. Андрей Николаевич перехватил мой взгляд, и подмигнул:

– А ты еще идти не хотел! Тут всю гарь московскую выдохнешь, всю кабинетную пыль в лесу оставишь...

– А чай будет? – пропищала «ежиха» в оранжевой куртке, вся, с ботинок до шапочки облепленная снегом.

– А как же! – бодро хмыкнул Колмогоров. – Котелок у кого?

– У меня! – вскинул руку худущий, нескладный парень с отсутствующим выражением на узком лице.

– Во-он там родничок бьет! Говорят, даже в холода не замерзает... Не поскользлись только, а то наледь!

– Я осторожно...

– Ага... Заготавливаем дрова!

Наломав сухих веток, математики и математички разожгли костер. Огонь шустро разгорелся, жадно облизывая за-

копченное дно котелка. Время вышло – и запарило, бульки пошли. Академик щедро сыпанул чаю в бьющую ключом воду.

– По-походному! – ухмыльнулся он, и плотоядно потер ладоши: – Накрываем стол, девчата!

«Накрыли» плоский валун, сметя с него снежный намет и постелив пару газет. Из тощих рюкзачков выгребали немудреное угощение – вареные яйца в трещинках, смачно пахнущую колбаску, мятые пирожки, тонко нарезанное сало, крохотные кунцевские булочки, плавленые сырки... Я открыл пару консервов – «Сельдь в желе» и «Кильку в томате».

– Налетай!

Если вы бывали когда-нибудь в лыжном походе, то знаете, какой разыгрывается аппетит. Съестное поглощалось чуть ли не с урчанием, а уж крепкий, терпкий чай «с дымком», да вприкуску с карамельками... Амброзия! Нектар!

Благодаря, я уселся на поваленный ствол, стряхнув снег с трухлявой коры. Рядом пристроился Колмогоров, спросил тихонько:

– Как там с... с графеном?

– Никак, – вздохнулось мне. – Голая идея. Со сверхпроводниками просто повезло – с ходу занялся купратами, угадал как бы. А графен... Тут с налету не взять. Я примерно представляю себе, как *показать* моноатомный слой, но надо ведь *доказать*, что он таков, детально изучить свойства графена, строение! А тут нужна лаборатория, нужно... Да мно-

го чего нужно! Ну, физфак мне в помощь... Хочу закончить его экстерном.

– Понимаю, – серьезно кивнул академик. – Очень жаль времени.

– Да, – вздохнул я.

В принципе, и по математике можно пойти – там лаборатории и оборудование ни к чему. Все, что требуется – бумага, карандаш и мозг. А «вкусных» задач хоть отбавляй – алгоритм Кармакара, кривые Безье, базисы Грёбнера, фракталы...

Но «технарское» прошлое дает себя знать – мне ближе нечто материальное. Мощные белые светодиоды, например, или арсенид галлия. Или полупроводниковый термоэлемент Пельтье. Ну, или графен. Его будущие первооткрыватели свалят на Запад, и Нобелевку свою получают как исследователи из Манчестерского университета. А вот мне ее вручат, как советскому ученому...

– Знаете, Миша, – деловитый голос Колмогорова перебил восходящие мечты. – Везение или не везение, а приоритет в области высокотемпературных сверхпроводников – за советской наукой. И за вами лично. В общем... – он щедро улыбнулся. – Буду краток. От вас требуется интересная, занимательная статья о ВТСП в «Нейчур». Напишите?

– Да куда ж тут денешься? – мне только и оставалось, что ухмыльнуться. – Цитируемость студенту не помеха!

Я взглянул на склоненное лицо Андрея Николаевича, ове-

янное мыслью, посмотрел на ребят, спорящих о кварковой модели

Гелл-Манна – Цвейга, и на меня будто теплым ветром пахнуло.

«Всё, я с ними! Никаких «писем счастья», никаких контактов с Юрием Владимировичем, Михаилом Андреевичем и Леонидом Ильичем! «Ностромо» больше нет. Баста!»

Меня всего охватило великолепное успокоение, и тут же, словно уравнивающая благо, бархатным буравчиком вкрутилась головная боль.

«Старею, – улыбнулся я. – Вот и мигрень пожаловала...»

Глава 1.

Пятница, 2 января. Полдень

Вашингтон, Белый дом.

Джек Даунинг, понурившись в гадкой интеллигентской привычке, рассеянно следил за президентом. Форд вышагивал от окна к камину и обратно, топча драгоценный ковер Красной комнаты.

«Ну, и обстановочка...» – мелькнуло у Даунинга.

Взявшись со скуки за ремонт, Жаклин Кеннеди переборщила с алыми шпалерами, придав зале для совещаний игривый оттенок будуара. И президент в интерьере выглядел несерьезно. Ни дать, ни взять актеришка из провинциально-

го театра.

Сложив руки за прямую спиной, сжав зубы и гоня желваки, Форд играл жесткого отца нации, а получалось напыщенно и старомодно.

Джек подавил улыбку. Не с ним, кадровым разведчиком, тягаться в лицедействе Первому Джентльмену! Тут даже разбор эмоций не надобен – от старины Джеральда веет раздражением и растерянностью, но причина такого настроения вовсе не провал миссии «Некст». Президента куда больше беспокоит, не потерял ли он лицо, как выражаются японцы. Ведь получается, что русские провели его, словно тупого фермера на ярмарке!

Даунинг скосил глаза на Киссинджера. Этот умный и хитрый еврей, подмявший под себя Госдеп, был непробиваемо спокоен. Удобно раскинувшись на ампирном диване, Генри благодушно, с легкой флегмой следил за метаниями босса. А тот вдруг остановился, и резко спросил, засовывая руки в карманы, отчего налет лоска тотчас же облез:

– Ваше мнение, Джек? Обо всей этой истории?

Даунинг медленно выпрямился. За последний месяц он насмотрелся всякого. Их трясло ФБР, выводя из себя нудными допросами, раскладывая дни и недели чуть ли не по секундно. Где был, что делал, с кем спал, о чем говорил. Кому именно? А сколько было свидетелей? Вспомните первую реакцию русского агента!

Джек успел пережить позор, и теперь лишь ждал оконча-

ния затянувшегося спектакля. Он загодя смирился с тем, что на его карьере поставлен жирный размашистый крест. Отставку Колби президент вот-вот примет, затем наступит его очередь...

Наверное, поэтому Даунинг, бывший куратор русского «перебежчика», не испытывал опасений – хуже точно не будет.

– Сэр, – заговорил он спокойно и устало, – я бы обратил ваше внимание на один очевидный факт: поражение в тайной войне потерпели не мы, а русские. Да, мы повелись, приняв агента КГБ за настоящего Миху, но и сами же раскрыли обман, вычислили истину! Разумеется, все эти соображения не обеляют ни меня, ни Фултона, ни Колби. Мой немудреный анализ всего лишь подводит к элементарному выводу – русские чекисты сами до сих пор ищут предиктора! В ином случае КГБ не стал бы засылать его копию...

– Полностью согласен с Джеком! – неожиданно вмешался Киссинджер. – Не могу себя назвать спецом, познавшим загадочную русскую душу, но кое в чем я-таки разбираюсь. Если бы Миха находился в руках Андропова, то КГБ никогда и ни при каких обстоятельствах не поделился бы с нами знанием будущего. Но, коли уж русские пошли на это, то вся постановка со Лжемихой есть не что иное, как операция прикрытия! Миха за год с небольшим стал новым фактором силы. Как минимум, трое членов Политбюро пользуются его... м-м... подсказками, выверяя курс партии – и ослабляя наши

позиции. Простите, Джек, что перебил...

– Да, КГБ просто отвлек наше внимание от собственных поисков, – продолжил Даунинг, отмахнувшись от извинений. – И, заметьте, сэр: все предсказания, которые дошли до нас, сбылись полностью и в точности! Уверен, что и те рекомендации, которые агент, представлявшийся Михой, передал вам вот в этой самой комнате, также являются правдой. Я просто убежден в этом, сэр. На сто процентов! Ну, какой интерес русским наносить урон? Напротив, они получают прямую выгоду от вашего избрания! Находясь на волне благодарности и доверия, вы могли бы... ну, не знаю... расширить сотрудничество с СССР, продолжить курс на разрядку международной напряженности... А вот потом и могла бы начаться игра! Допустим, вы бы встретились с Брежневым в Ялте, и негласно поделили мир на сферы влияния... Возможно даже, что нас стали бы дозированно информировать о будущих событиях – о ценах на нефть, к примеру, или о дате смерти Мао Цзэдуна. Поэтому я по-прежнему остаюсь резко против тактики, выбранной Колби и нашим ленинградским резидентом. Да, мы должны были узнать, кто есть кто, но зачем же раскрывать этого русского? Пусть бы и дальше отыгрывал свою роль – под нашим постоянным контролем! По моему, так.

Джеральд Форд заметно успокоился, повеселел даже.

– Будем считать, Джек, что вы меня убедили, – добродушно проворчал он. – Прощение об отставке Колби я уже под-

писал, а вам следует завтра же вылететь в Москву. Замените Фултона в должности нашего резидента.

Сердце Даунинга пропустило удар – и заколотилось, толкая кровь к щекам.

– Допущенные ошибки надо исправлять! – холеная ладонь президента звонко шлепнула по мраморной каминной доске. – Коли уж Миха остался в СССР и по-прежнему неуловим, ваш долг, Джек, отыскать его первым!

*Суббота, 3 января. Перед обедом
Московская область, Архангельское.*

Черная «Волга» плавно подкатила к госдаче маршала Советского Союза. Не оборачиваясь, водитель пристально глянул на пассажира в зеркальце, и кивнул.

– Я быстро, – буркнул офицер-ликвидатор, рассеившийся на заднем сиденье.

Стараясь ничего не касаться правой рукой, он вылез из машины, прихватив кожаную папку с бумагами. Мельком огляделся, и двинул к воротам деловитой походкой курьера.

Гречко обосновался в красивом месте. Зимой и летом близкий лес очаровывал, навевая мысли о русских народных сказках. В холода всё тут пахло снежной свежестью, а в жару наплывал смолистый дух хвои. Благорастворение воздуха.

«Теремок» министра обороны возвели бойцы стройбата, подневольные маршальскому приказу... Губы ликвидатора

дрогнули, складываясь в беглую усмешку – тем легче будет выполнить задание. Комчванства он не выносил.

Ворота стояли, распахнутые настежь. Охранники дружно ширкали лопатами, сгребая снег с аллеи. За частыми росчерками голых ветвей проглядывала сама госдача, а к высокой ограде тулился флигель – над его трубой дрожало марево.

Дорогу офицеру-ликвидатору заступил майор Родионов, бесстрашный, как Гойко Митич в роли апача:

– Вы к кому?.. – обшарив взглядом штатское пальто гостя, начохр вскинул внимательные глаза.

– К товарищу Гречко, – последовал спокойный ответ. – Мне поручено передать ему бумаги из министерства. Вот мои документы.

Майор посопел, изучая удостоверение, и сказал с запинкой:

– Андрей Антонович не велел пускать... Пройдите сами.

Офицер-ликвидатор уловил в голосе начохра просительные нотки, но сберег невозмутимое выражение лица, словно подыгрывая «краснокожему брату». Согласно кивнув, он пошагал к флигелю.

Нервы, подстегнутые смертельной опасностью, натягивались позванивавшими струнками, однако тренированная воля держала тело в узде. Постучавшись, ликвидатор обождал немножко, и толкнул дверь левой рукой, сжимавшей папку.

Высокий, статный маршал с породистым и надменным лицом камергера вышел навстречу, не скрывая явной досады.

– Здравствуйте, товарищ Гречко, – мягко улыбнулся офицер, протягивая правую руку. Министр обороны, не думая, вяло пожал ее. Маршальские брови тотчас же вздернулись, отвечая слабым удивлением на неожиданную крепость пальцев штатского. – Тут вам передали кое-какие сводки, ознакомьтесь, пожалуйста. А завтра я за ними заеду.

– Это всё? – Гречко нетерпеливо отобрал папку.

– Всё.

– Свободен.

Ликвидатор удалился, отвесив небрежный поклон. Министр обороны вышел следом – набросил на плечи шинель и прошелся по чисто выметенной, чуть ли не пропылесосенной дорожке, хмуро взглядывая на Родионова. Начохрановато потупился, а маршал передернул плечами, словно сбрасывая раздражение.

Кивнув майору на ходу, как бы сочувствуя, офицер-ликвидатор пошагал к машине, унимая нетерпение. И лишь нырнув на заднее сиденье, поспешно вынул из кармана заветную коробочку.

Водитель молча помог ему натянуть на левую руку хирургическую перчатку и отвернулся, тут же плавно трогаясь с места. Заскользила назад высокая ограда, мелькнул солдатик с метлой...

Достав из коробочки влажную салфетку, ликвидатор тщательно протер правую ладонь. От салфетки шибало чем-то больничным, резким и ёдким, и лишь минуту спустя в носу

защекотало от вкрадчивых ноток яда.

«Всё! Можно! Можно!» – суетились мысли, но офицер сперва сложил салфетку – на ней уже проступили бурые пятна, – осторожно стянул перчатку и спрятал обе «улики» в кармашек. Вот теперь можно.

Морщась от собственной поспешности, он вынул пузырек с антидотом и опорожнил его одним глотком. В пищеводе потеплело, как от доброй порции коньяка, вот только послевкусие отвратное – полное впечатление, что бензин из шланга втянул ненароком...

– Может, сразу в баню? – в зеркальце качнулись серьезные серые глаза водителя. – Попаришься?

– А давай! – ликвидатор облегченно откинулся на спинку. Отпускает потихоньку... Ладонь красная, горит, но это пройдет. Вряд ли парная выведет токсины быстрее, чем обычно, но хоть душа успокоится. А то всё ей лишь бы закружиться, загуляться...

Пропустив грохотававший цементовоз, «Волга» выехала на шоссе и пошла в разгон – заснеженная обочина сливалась в белую ленту с размытыми черными промельками деревьев.

«И какой же русский не любит...»

Понедельник, 5 января. Три часа дня

Москва, проспект Вернадского

Везет мне, однако – общаюсь накоротке с лучшими ума-

ми человечества. В пятницу чай дул у Колмогорова – с брусничным вареньем, да после баньки... Классика!

«Ежи» с «ежихами» во дворе резвятся, снежки пуляют... Одни мы с академиком солидно рассуждаем о непознанном и непознаваемом. Выросли мы из детских забав...

А нынче я шагаю по длиннущему светлому коридору Института управления народным хозяйством. ИУНХ. Аббревиатура смахивает на клич гоблинов...

А вот и она, «Проблемная лаборатория». Вотчина самого Канторовича, обыкновенного гения. Воистину, место силы...

В судьбе Леонида Витальевича есть нечто прометеевское. Величайший математик, он мог бы парить на высотах чистой науки, недостижимый для житейских мелочей.

Канторович уловил понятие функтора за много лет до Гротендика, первым понял значение обобщенных функций, но отдал тему на растерзание Лорану Шварцу, сочтя прорывное достижение пустяковым. Зато он вечно спускался на грешную землю, чтобы помочь смертным. Вон, внедрил безотходный раскрой фанеры, отладил работу такси...

А нынче скрещивает плановую экономику с теорией оптимального распределения ресурсов. За одно это ему надо памятник поставить. При жизни.

Я вежливо постучался и вошел, ожидая застать академика корпящим над бумагами. Застал. Только Канторович не высиживал за столом, визируя входящие с исходящими, а

ползал на четвереньках, рассматривая выложенные на полу «простыни» чертежей. Лоб наморщен, очки зависли на кончике носа, губы шевелятся, палец ползет по ватману, вторя загогулистой кривой...

– Леонид Витальевич...

– Минуточку... Да? – блеснули очки. – А, это вы стучали?

– Я, – пришлось мне признаться. – Простите, что помешал. Андрей Николаевич сказал, что звонил вам...

– А-а! Да-да! – встрепенулся Канторович, и тяжело поднялся, упираясь рукой в колено. – Так вы тот самый Миша?

– Ну, звать меня «тем самым» рановато, – улыбнулся я. – Не дорос.

Коротко рассмеявшись, Леонид Витальевич отряхнул брюки и вернулся за стол.

– Слушаю вас, Миша.

– Ну, если без долгих предисловий, суть вот в чем. – Освободив стул от пухлых папок, я присел. – У меня там кой-какие программы понаписаны... они касаются электронной почты. Сам почтовый сервер уже работает, хотя и в тестовом режиме... но это временно. Мы наладили связь между Москвой и Зеленоградом, между Зеленоградом и Первомайском – это на Украине. Доводить до ума что «железо», что программное обеспечение будем еще долго – полгода, как минимум, однако проблема в ином. В принципе, если установить здесь микроЭВМ, вы прямо сейчас могли бы набрать текст на клавиатуре... как на пишущей машинке, и отпра-

вить письмо коллеге в Новосибирск, в Ленинград... Да хоть в Лондон или Нью-Йорк! Через минуту адресат прочтет послание на экране своего монитора. Но! Чтобы письмо дошло до получателя, каждый пользователь ЭВМ должен получить совершенно особый УДН-адрес, единственный и неповторимый двенадцатизначный буквенно-цифровой код. И каждый такой адрес должен быть уникален! Строго обязательно! Если встретятся хотя бы два одинаковых адреса, то коллизия передачи данных может стать глобальной. УДН – это сокращенно: «управление доступом к носителю». УДН-48, если полностью. Адрес-идентификатор длиной в сорок восемь бит. Он будет прошиваться в ПЗУ сетевой карты, а пользователь эту сетевуху покупает... вставляет в свой комп... э-э... ЭВМ – и юзает на здоровье! Хочу, чтобы вы, Леонид Витальевич, прониклись... – сказал с чувством, и полез в темные IT-дебри, вещая, жестикулируя, набрасывая схемы...

Полчаса спустя я упивался стаканом «Боржома», смачивая пересохшее горло и следя глазами за Канторовичем, нарезавшим круги вокруг стола. Леонид Витальевич проникся.

– Генерация УДН-адресов... – со вкусом повторил он, кивая своим мыслям. – Да, вы правы, здесь нужен ха-ароший коллектив и настоящий Центр сертификации! Вы надеетесь, что... э-э... «Е-мэйл» способна принести прибыль?

– Не я, – вытолкнул, отдуваясь. – Они, на своем Западе. Если мы опередим американцев, и первыми предложим простую, надежную и безопасную «электронку», то уже в следу-

ющей пятилетке будем грести валюту миллиардами долларов. А на кону – сотни миллиардов... И я хочу, чтобы наши оттяпали самый большой кусок «айтишного» пирога!

*Четверг, 8 января. Позднее утро
Москва, Кремль.*

– Вот и все, Андрей... – тихонько произнес Брежнев, глядя на экран. – Отвоевался...

С самого воскресенья, когда ему доложили о смерти Гречко, он ощущал мрачное удовлетворение. Бывало, подступал озноб или накатывала жалость, но эмоциональным фоном все равно оставалась некая мстительная угода.

«Ты хорошо колошматил немчуру, – думал генсек, – вот только война давно закончилась, Андрей. А мир тебе не нужен...»

Брежнев облокотился на стол, сцепил пальцы рук и устроил на них подбородок.

По всей стране объявлен траур, приспущены флаги. В кремлевской стене выдолбили нишу и заготовили простенькую мемориальную табличку. «Андрей Антонович ГРЕЧКО. 17.10.1903 – 04.01.1976»...

Едва слышно щелкнула дверь, и в кабинет заглянул секретарь.

– Леонид Ильич...

– Что, Коля? – встрепенулся генеральный.

– Вы вызывали товарища Козлова... Он ждет.

– А... Да-да, пусть заходит.

Дверь открылась пошире, впуская невысокого, полноватого человека с обширной залысиной. В костюме, при очках он напоминал обычного партийного функционера среднего звена. А отточенный ум конструктора ракет напоказ не выставишь...

Замечая растерянность гостя, хозяин сам встал навстречу.

– Здравствуйте, здравствуйте, Дмитрий Ильич! Да вы не тушуйтесь – кабинет, как кабинет. Ну, может, чуть побольше вашего, хе-хе... Присаживайтесь!

– Я, признаться, не был готов к встрече, – смущаясь, заговорил главный конструктор и начальник ЦСКБ. – Ни одного документа не захватил...

Генеральный небрежно отмахнулся.

– А мы без бумаг, по-свойски! Дмитрий Ильич... – Брежнев сосредоточился. – Я, бывало, курировал наши космические дела, и с тех пор интереса к ним не потерял. Поэтому... Или давайте без предисловий! Расскажите мне... Вот наша новая ракета... «Раскат», кажется... А то всё Н-1, да Н-1! Хочу знать ваше мнение: почему все четыре «Раската» взорвались?

Козлов повертел головой и расстегнул верхнюю пуговку, как будто ему душно было.

– А я вам скажу! – голос Дмитрия Ильича дребезжал и позванивал. – Причина, как всегда, в идиотстве и разгиль-

дьястве! Ну, как можно сложнейшее изделие, космическую ракету, испытывать собранной? Это у меня вообще в голове не укладывается! Я говорил Мишину, чтобы не спешил. Давай, дескать, проверим все досконально – каждый блок, каждый узел в отдельности! Нет, ну а как иначе-то? Н-1... «Раскат» – это же сложнейшая система! Да еще столько двигателей сразу – всю конструкцию ведет. Да их надо было отдельно тестировать, каждый движун вывозить на огневые испытания, а не сразу – ух! – целой упряжкой! Знаю, что прогорают, так думать надо! А то гонка, гонка... Ну, опередили нас американцы, ну, высадились первыми на Луну, и что? Мы же не спортом занимаемся, а освоением космического пространства! А этим... чемпионам отрапортовать лишь бы! Вы меня простите, конечно, Леонид Ильич, что я так резко, но сколько ж можно? Четыре ракеты угробить ни за что, ни про что! Да мы бы, если все по уму делали, уже запустили бы «Раскат». Довели бы до ума – и запустили! А теперь... – он безнадежно махнул рукой. – Глушко даже готовые корпуса Н-1 в блин бульдозерами раскатал...

– Ну, уж нет, – добродушно проворчал Брежнев, – такого удовольствия мы ему не доставили. Был... э-э... сигнал от оч-чень информированного товарища, вот мы и... того... подсуетились. Дмитрий Ильич, вы не просто ходили в замах у самого Королева. Вы стали продолжателем его идей. Скажите, «Раскат» может стать такой же надежной ракетой, как «Союз»?

На минуту в кабинете зависло молчание. Со стен строго взирали Ленин и Маркс. Едва слышно тикали «рогатые» часы.

– Мог бы, – вздохнул Козлов, – Вполне мог. Самое неприятное, знаете, в чем? В потере темпа. Ракета Н-1 была почти готова, а теперь Глушко хочет с нуля строить свое собственное изделие – «Рассвет»!¹ Извините, что я так нелицеприятно о коллегах, но... Знаете, Глушко мне Яковлева напоминает. Тот тоже в войну мешал и Туполеву, и Поликарпову... Даже исхитрился повернуть так, что авиазавод, готовый к выпуску бомбовозов «Ту-2», перевели на сборку «Яков»! Ну, как так можно, а?

– Понимаю, понимаю... – затянул генсек, опуская тяжелые веки. Сложив ладони перед собой, он побарабанил пальцами о пальцы. – Скажите, Дмитрий Ильич... Ну, а если бы работы по Н-1 возобновились в этом году, что бы мы успели до восьмидесятого, до восемьдесят второго?

– Ну-у... – завел конструктор, перекидывая взгляд с портрета Маркса на портрет Ленина. – Много бы успели. Я же прекрасно помню все наши планы! Конечно, пришлось бы их серьезно подкорректировать, куда ж без этого. Думаю... Думаю, к семьдесят восьмому году запустили бы «Раскат» с лунным орбитальным кораблем, беспилотным, разумеется, на пробу, а в восьмидесятом или в восемьдесят первом наши космонавты высадились бы на Луну... – помолчав, он

¹ После «Рассвет» зачем-то перекрестили в «Энергию».

добавил, как будто теряя интерес к разговору: – Тогда же, в восьмидесятых, развернули бы лунную базу «Звезда». Лучшее всего на Южном полюсе – вечный свет для солнечных батарей... или печей. А на орбиту Земли запускали бы ТКС – этот кораблик доставит на «Салют» сразу тонн пять всякого добра. Отправили бы марсоход «Марс – 4НМ», а станция «Марс-5НМ» доставила бы нам грунт с «красной планеты»...

Брежнев, наблюдая, как настроение посетителя падает в минус, понятливо усмехнулся.

– Расстроились, небось? Зря. Мы хотим вам предложить, Дмитрий Ильич, занять вакантную должность генерального конструктора ОКБ-1.

Лицо Козлова залила бледность.

– А... Глушко? – пролепетал он.

– А товарищ Глушко займется проектированием ракетных двигателей! – в голосе генсека прорезалась жесткость. – И пусть только не создаст лучший в мире ЖРД! Ну, что, Дмитрий Ильич? Обдумали наше предложение?

– Н-нет еще... – выдавил гость, и тут же поспешно добавил: – Но я согласен!

– Вот и отлично.

Проводив до дверей все еще ошеломленного генерального конструктора, генеральный секретарь выглянул в приемную. Устинов, как примерный ученик, сидел на стульчике, сложив руки на коленях.

– Заходи, – сказал Брежнев тоном киношного Верещагина.

Секретарь ЦК, «гражданский генерал» Устинов поспешно встал и перешагнул порог.

– Ну, что, Дмитрий Федорыч? – не присаживаясь, Брежнев зашагал по кабинету, выглядывая то в одно окно, то в другое. – Догадываешься, зачем зван?

– Надеюсь, что верно сообразил, – глухим басом ответил Устинов.

– Министр обороны умер, – усмехнулся генсек. – Да здравствует министр обороны! Мы решили, что этот воз как раз по тебе. Но учти, Дмитрий Федорыч, клепать тысячи танков больше не дадим. Хватит стоять на страже, залезая в карман трудящихся. Не числом надо побеждать, а умением! – покосившись на Устинова, он насмешливо фыркнул: – Отставить страхи! Не пропадет твоя оборонка, не бойся. Расходы на НИОКР мы даже увеличим. Авиацию надо подтягивать! Океанские корабли строить – крейсера тяжелые, авианосцы с вертолетоносцами... Чтоб было, на чем с визитом вежливости явиться, хе-хе... А вот армию сократим наполовину, как минимум... И не гляди так страдальчески, Дмитрий Федорыч!

– Да я... Ох! – новый министр обороны покачал головой. – Помню просто, как Никита полки расформировывал... Сколько мы тогда офицеров потеряли! Боевых офицеров!

– А вот ты и подумай, как нам сбереечь кадры! – весомо сказал Брежнев. – Чтобы в армии служили не толстопузники штабные, а настоящие бойцы. Жильем обеспечить офицерство, детскими садиками и школами. А как же! Хватит защитникам Родины кочевать по гарнизонам! Пусть у лейтенантов с полковниками голова болит не о дровах на зиму, и не о лекарстве для дочки, а только о повышении боевой и политической. – Он усмехнулся, глядя на Устинова. – Понимаю я все, что ты хочешь сказать. Боишься новой войны? И я боюсь! Просто в наших потугах защитить завоевания Октября надо и меру знать. Иначе от этих завоеваний мало что останется. Снесут! И не извне, а изнутри...

– Вы о «Ностромо», Леонид Ильич? – пророкотал Устинов.

– О нем, родимом, – усмехнулся генсек, закладывая руки за спину. – Признаться, я сперва даже не поверил во всю эту фантастику. А он нас просто завалил фактами – кричащими, дичайшими, ужасающими! И вот, месяц за месяцем, день за днем мы убеждались, что «Ностромо» не солгал нам даже в мелочах. Ведь так?

– Так, – согласился министр обороны. – Стало быть, курс на деконфликтацию с Западом?

– Да, – твердо заявил Брежнев. – Пусть не боятся нас, но уважают. А цель в том, чтобы в капстранах нам завидовать начали! Нашему уровню жизни, нашей стабильности и благополучию. А иначе... Иначе победа будет не за нами. – Он

задумчиво потер щеку, и сказал: – Только ты... ты вот что, Дмитрий Федорыч. Пускай вероятный противник не думает, будто мы сдаем позиции. Укрепись в Сомали, во Вьетнаме, на Кубе, в Сирии. Чтобы у нас там крепкие, надежные базы были! И спуска империалистам не давай. Ударят нас по левой щеке – сверни им челюсть или отбей печенку! Понял?

– Понял! – заулыбался министр обороны.

– Ну, раз понял... Не забыл еще, как Никитка говаривал, вождю подражая? Наши цели определены, задачи поставлены. За работу, товарищ Устинов!

*Тот же день, ближе к обеду
Москва, Курский вокзал.*

Метропоезд со стихавшим воем вынырнул на свет, и мимо окон замельтешили толстые канеллюрованные колонны.

– Станция «Курская», – разнесся гулкий женский голос.

– Выходим? – Настя тарщила глаза в манере провинциалочки.

– Угу...

Я шагнул на перрон, и сестричка тут же взяла меня за руку, словно по детской привычке – старший братик не даст потеряться...

– Что, не хочется уезжать?

Настенька подумала.

– Да как-то... – затянула она. – Непонятно как-то. И жал-

ко уезжать, и уже по дому соскучилась немножечко... А теперь у нас еще один дом! Старый забудется постепенно, туда вселятся другие люди, он станет чужим... И я его тоже буду жалеть.

Я легонько сжал девичьи пальцы, транслируя понимание.

Толпа вынесла нас на «уровень моря», и я победно улыбнулся – впереди не маячила коробчатая, несуразная громада «Атриума», этого монумента в честь капиталистической революции.

Там, в недалеком будущем, торгашеский центр застил знаковую волнистую крышу Курского, затмевая сам вокзал, как бы убирая его на задворки, а площадь ужимая до тесного проезда. В этом сквозило нечто нагло-купеческое, нахрапистое, возвращающее ко временам Кабанихи и деревенских хитрованов-кулаков.

А ныне Курский представал во всей своей красе, и это как-то успокаивало, давало слабинку натянутым нервам.

У вокзала кучковалось целое стадо оливково-желтых такси, сплошь «Волги» с шашечками. Особняком стояли два красных угловатых «Икаруса». Народу хватало, но, пробившись сквозь толпы встречающих и провожающих, я с радостью убедился, что очередь к кассам невелика – опыт прежних лет уверенно занял руководящее место.

«Могу даже инструкцию написать для попаданцев: как спрашивать крайнего, как проходить без очереди (самый простой вариант: «Мне только спросить!»), как ориентиро-

ваться, запоминая стоящих впереди и занявших за тобой...»

Выстояв минут десять, я протянул кассирше двадцать пять рублей – красные десятки и синюю пятерку.

– Два до Харькова, пожалуйста.

Кассирша – седая толстая бабуся, похожая на вахтершу в общежитии, – живенько все оформила, продвинув мне сиреневые билеты да рубль сдачи.

– Поезд отправляется ровно в девять вечера.

– Спасибо.

Все, теперь я спокоен: билеты в одном кармане, деньги в другом – и целый день впереди, чтобы прикупить в столице того, чего не найдешь в глубинке.

– Это мы только вечером? – тараторила Настя. – А мама успеет проводить?

– Успеет...

– А копун?

– Почему не копуша? – улыбнулся я, пальцами глядя висок – голова побаливала. К перемене погоды, наверное.

– Это мама у нас копуша, а папа – копун!

От Настиного щебета меня отвлекла сценка из вокзальной жизни. Вальяжный мужчина неожиданно вскочил с дивана и тревожно оглядел зал ожидания.

– Товарищи! – воскликнул он. – Чьи это вещи? Товарищи, кто забыл чемодан?

– Ой, мой это, мой! – подхватила девушка в простенькой синтетической шубке. – Ой, спасибо!

А я шагал к дверям с табличкой «Выход в город», и улыбался.

Только в СССР все – товарищи. Ни в одной другой стране не существует той взаимовыручки, всеобщей поддержки, ставшей для нас правилом жизни. Необязательно, чтобы тебя кому-то представили, как на Западе – ты можешь спокойно подойти к любому незнакомцу и заговорить с ним, попросить о чем-то, даже о ночлеге. С самым такое приключилось однажды, в восемьдесят втором, в Москве. Пришлось двое суток ночевать на вокзале, а на третий день, где-то под вечер, я подошел к «теплой» компании, выпивавшей в скверике неподалеку от станции метро – друзья обмывали звездочки новоиспеченного майора. Парни, говорю, нельзя ли у вас переночевать? Мочи нет! Да не вопрос, отвечают. Меня приютит... как ни странно, не помню имени, знаю только, что он работал осветителем в областном театре кукол. Сначала благодетель повез меня к себе домой, но в метро передумал, и мы поехали к его любовнице. Там я и переночевал.

Не уверен, что в Москве образца 2018 года возможно подобное – вирус индивидуализма, занесенный демократизаторами, поразил «новую историческую общность – советский народ».

Я усмехнулся. Ничего, наработаем иммунитет. Вирусная инфекция долго лечится, легче бациллоносителей передать, чтобы не портили «атмосферу социального оптимизма»!

– Ну, что, Анастасия? – бодро вылетело из меня. – По магазинам?

– По магазинам! – радостно поддержала сестричка.

Глава 2.

Вторник, 20 января. Полуденный намаз

Западный Бейрут, Фахани.

Арафат нервничал с самого утра, и никак не мог найти успокоения. Впрочем, тревога поселилась в нем месяцем ранее, когда в Вене ликвидировали Карлоса. Смерть Шакала прозвучала первым звоночком.

Изошренное чутье профессионального революционера дало подсказку, и Ясир ночью оставил свою квартиру, переехав в «операционную» – командный бункер ООП в квартале Фахани. Вокруг сплошь мусульмане – свои, не выдадут. А в двух шагах – лес пиний, зеленый пояс Бейрута. Уйти – легче легкого.

Но как же тут уйдешь? Как бросишь всё дело?

Тысячи и тысячи бойцов... Лагеря беженцев... Склады, забитые гранатометами, пушками, даже старыми танками из Румынии...

Арафат криво усмехнулся. Конечно, с миллиардом долларов на счетах скроешься, где угодно, но... Разве это жизнь? Пищеварить, трахаться – и знать, что израильские собаки по-

бедили? Ни. За. Что.

– Абу-Аммар!²

Расслышав томный голос зама по военным вопросам, Ясир поморщился. В последние недели Абу-Джихад вызывал в нем приливы раздражения. Из Иордании их выперли, скоро и ливанцы попросят удалиться. Еще и Хабаш в затылок дышит, клятый «красный доктор»...³ А о победах что-то не слышать!

– Я здесь! – неохотно отозвался Арафат, выходя из-за толстой квадратной колонны. Бетонный потолок нависал, ощутимо давя на психику. Весь огромный подземный гараж тонул во тьме, лишь стрежневой проезд виднелся в скудном свете голых лампочек, горящих в полнакала.

Абу-Джихад Халил Ибрагим аль-Вазир, шествующий навстречу, сверкнул голливудской улыбкой. Изящного сложения, с элегантными локонами на голове, заместитель председателя ООП куда больше напоминал «ночного ковбоя», мальчика по вызову, чем сурового воина. За спиной зама сопел вечно потный Имад Лугние по прозвищу Гиена, в обнимку со своим любимым «калашниковым».

«Темные силы во тьме» – покривился Ясир.

– Пора? – буркнул вслух, принюхиваясь. Ноздри щекотал дорогой парфюм.

² Партизанская кличка Арафата.

³ Жорж Хабаш, лидер Нацфронта освобождения Палестины, конкурента ООП.

– Раи-ис!⁴ – Абу-Джихад жеманно приложил пятерню к сердцу. – Твоего слова ждут новобранцы!

– Далеко? – кисло спросил Арафат.

– Рядом!

– Поехали. Только быстро!

Все трое залезли в пыльный «Лендрровер», и Гиена завел мотор. Фары мигом вымели мрак, упершись в сломанные ворота. За ними ширился еще один гараж – в цоколе торгового дома «Пикадилли», крепко сидевшего напротив улицы Хамра.

Пуская гулкие эхо по лесу обшарпанных бетонных колонн, джип выбрался к обширному хранилищу, залитому холодным светом неоновых трубок. Толпа мальчишек лет тринадцати-четырнадцати, в живописных лохмотьях, но с автоматами в руках, радостно завопила, сливая тонкие голоса в волне энтузиазма:

– Абу-Аммару и Палестине мы приносим в жертву свою душу и свою кровь!

Арафат выбрался из машины, растягивая толстые губы в деланной улыбке. Заученным армейским жестом приставил ладонь к бедуинскому клетчатому куфии. Он терпеть не мог дурацкий платок, но эта деталь одежды давно уж стала частью образа. Вон, половина восторженных пацанов, потрясавших «калашами», щеголяет в «арафатках».

Набрав воздуху, Ясир прокричал:

⁴ С арабского – председатель.

– Наша Палестина ждет свободы и независимости! Мы никогда не согласимся жить рядом с Израилем! Палестина будет существовать вместо Израиля! И вам, молодым бойцам, освободить палестинские земли – от Ливана до Египта!

Худущий лопоухий мальчик не сдержал ликования и выстрелил одиночным вверх. Пуля отзвенела рикошетом, а на голову ушастому осыпалась штукатурка.

– Машалла, машалла! – выдохнул Гиена, грозя пистолетом юному автоматчику. – Едем, раис. Нас ждут в Шатиле.

– Едем.

Вскинув руку на прощанье, Арафат полез на заднее сиденье. Абу-Джихад примостился рядом, нагоняя запах мужского пота и женских духов. Чувствуя возбуждение, Ясир сжал зубы.

«Иншалла...»

Минуя сломанный шлагбаум, «Лендровер» выехал на улицу по крутому пандусу. Прохладный воздух с моря задул в приоткрытый лючок, вороша локоны Абу-Джихада. Ясир длинно вздохнул, смиряясь под накатом внезапной тоски. Борьба, борьба, борьба... Вся жизнь – борьба. Деньги, деньги, деньги... Борьба за деньги? Хм... Сразу два смысла, и оба – поганые. Остановиться бы... Выйти из машины, хлопнув дверцей. И один, совершенно один, оглушенный тишиной... Упиваться покоем захлеб...

– Кыс эммэк! – выругался Гиена, и Арафат вздрогнул, выпадая из мечтательного флёра.

Навстречу прошмыгнул старенький «Рено», а впереди неспешно катил синий фургон, заляпанный французскими и арабскими надписями, одинаково славившими шаверму от старого Юсуфа.

Нетерпеливо посигналив, Имад пошел на обгон, и тут начали происходить события. Задняя дверка фургона вскинулась кверху, и на палестинцев в упор глянуло дуло пулемета КПВТ.

Ясир Арафат очень ясно, очень четко видел все действие, как будто перед ним прокручивали кадры в замедленной съемке. Две смутные фигуры в касках, горбившиеся в тени за пулеметом, открыли огонь. Хваленое пуленепробиваемое стекло не выдержало ударов калибра 14,5 мм – лопнуло, поражая осколками. Вторая или третья пуля в очереди разворотила Абу-Джихаду грудь, а следующая снесла голову.

Изворотливый Имад почти успел выпрыгнуть из джипа – он уже распахнул дверцу, напряжился для броска... Две пули опередили Гиену, почти разорвав худое тело.

– О-о-о! – отчаянно взвыл Арафат – и захлебнулся кровью.

Короткая очередь разнесла движок, ломая и круша поршни. «Лендровер» будто подпрыгнул, валясь набок, уходя в пережат... Грохоча и скрежеща, джип врезался в ограждение, полыхнул клубом дымного пламени, но никому, ни водителю, ни пассажирам уже не было больно.

Вторник, 3 февраля. Перед обедом
Техас, Абилин

«Зима в Техасе – это что-то с чем-то!» – с удовольствием думал Степан Вакарчук. Перед рассветом покапал небольшой дождик, а уже к одиннадцати – комнатная температура!

Сняв мятый стетсон, Стив пригладил волосы. Он единственный отпустил их в рост, отчего стал похож на Иисусика. Редкая бороденка лишь добавляла святости. Вальцев тоже зарос неопрятной щетиной, зато пышную свою прическу сбрил наголо. Даже Чак Призрак Медведя не пожалел косу – подстригся коротко, став неотличимым от любого «мекса».

«Конспи`гация, конспи`гация и еще раз конспи`гация!»

Целый месяц они кочевали по нью-йоркским закоулкам. Хочешь спрятать желтый лист – урони его осенью в парке. Желаешь скрыться сам – пропади в лабиринтах мегаполиса, затеряйся среди миллионов себе подобных!

Выждав пару недель, сели на поезд до Чикаго. Сошли на полдороги, купили мятый «фордик» за двести баксов – и покатали «на юга». Эксфильтрация номер два.

Зашипел кофейник, и Степан живо снял его с костерка.
– Идите есть, а то остынет!

Первым явился Максим. В разноцветной вязаной шапочке с наушниками он был неотразим. Подбросив в огонь сухих веточек меските, Вальцев погрел руки, растирая ладони, и обнадежил:

– Ничего... Скоро потеплеет. Пустыня Чихуахуа! Звучит?

– Матерно! – фыркнул Вакарчук, подтягивая сковородку со скворчащими ломтиками бекона. – Звиняйте, яишни нема. Чак!

– Я здесь, – слышался спокойный голос индейца. – Набрал две канистры бензина на заправке. Должно хватить.

Призрак Медведя уселся перед костром. Подточил палочку ножом и наколол ею горячий кусочек бекона.

Вальцев молча протянул ему сухарь. Чарли кивнул ему, со страшным хрустом разгрызая хлебец.

– Скоро доберемся до Пекоса, – заговорил он невнятно. – Это река такая. Там живет Мэнни Красное Перо. Он покажет брод и проводит до Рио-Гранде. Сведет с тамошними контрабандистами, а они уже переправят нас на тот берег. Доедайте. Мне только кофе оставьте.

Упруго поднявшись, индеец скрылся в зарослях чаппаралья. Вскоре закрутился стартер, басисто взревел мотор. Царапая борта, «Форд» сильно вздрагивал, будто чуял колючки металлической облупленной кожей.

Вакарчук торопливо набил рот и плеснул кофе в кружку.

– Заварено по-ковбойски, – хмыкнул Максим. – Подкова не утонет.

– А то!

Призрак Медведя пил маленькими глоточками, жмуря обсидиановые глаза, пока не вылебал полную чашку.

– Едем! – выдохнул он.

– А что надо сказа-ать? – напел Степан вкрадчивым голо-
сом.

– Спасибо? – Максим неуверенно забросил ответ.

– Хау! – улыбнулся Чак.

– О!

Посуда, одеяла, припасы переместились в кузовок пикапа. Хлопнули дребезжащие дверцы. Машина заворчала и тронулась, покатила по сухому руслу-арройо, вторя затейливым изгибам.

Вспугнутая тишина помаленьку возвращалась, подтягиваясь к кострищу. Ни звука.

Из зарослей выглянул молодой койот. Беспokoйно оглядевшись, зверёк потрусил к костерку, залитому кофейной жижей. Порыскал, скуля – и вцепился в огрызок, заглотал жадно и счастливо.

Вдали, на склоне холма, разгорелись красные стоп-сигналы, словно открылись недобрые глаза. Койот шарахнулся, поджимая хвост, но не ушел – запахи одолели страх. Вытянув мохнатую шею, он завыл – тихонько и боязливо, будто жалуясь Большому зверю на свой голод и винясь за трапезу.

Тот же день, раньше.

Первомайск, улица Ленина

Чужая страна – чужие правила. Другая жизнь. Всё иное – повседневные привычки, принятые нормы общения...

Саймон вышел у сквера Победы и проводил глазами фырчащий «Икарус». Автобус, потряхивая «гармошкой», свернул на мост, желтым коробчатым силуэтом скользя вдоль строя пирамидальных тополей. Снег почти стаял с мостовой, лишь кое-где белея наметами, зато на газонах и в парке напротив – сугробы по колено. Русская зима.

«Внедряемся!» – кивнул себе Саймон Грин.

Вытряхнув из надорванной пачки папиросу, он дунул в мундштук, не зная, зачем, но все русские так делали, закуривая. Чиркнул спичкой, втягивая вонючий дым, скосил глаза на тлеющий кончик.

«Турецкий «Кара-Дениз» покрепче будет, – подумалось ему, – но есть что-то общее. Дерет горло...»

Саймон пригляделся к блеклому рисунку на пачке, выполненному в два цвета – пологие сопки, на склонах тает снег, а надо всем – лучистое солнце.

«Колыма, однако!» – развеселился Грин, и зашагал к продснабу, поглядывая вокруг, сверяя свою манеру вести себя с поведением «вероятных противников».

Люди как люди. Озабоченно торопятся, припаздывая на работу. Тяжеловесно, устало шагают, возвращаясь со смены. Старушка, закутанная в шерстяной платок поверх уродливого черного пальто, неторопливо ковыляет, припадая на палочку. Мальчишки, толкаясь и смеясь, лупят друг друга портфелями. Жизнь как жизнь.

Решив, что русский табачок извел следы сладковатого

дымка «Мальборо», Саймон одолел очищенные от снега ступени. Тяжелая дверь как раз открылась перед ним, выпуская двух капитальных дам в модных дубленках. Модные шапки-папахи, нахлобученные на крашенные волосы, лишь подчеркивали бальзаковский возраст работниц торговли.

– Представляешь, – охала дама в головном уборе из чернобурки, – Николай Алексеич уволил-таки Романенко!

– И правильно сделал! – агрессивно рубанула ее товарка в белой шапке из песка. – Где это видано, чтобы главбух путался в арифметике?

– Так-то оно так... – затянула чернобурка. – Но человеку год до пенсии...

– Пускай переквалифицируется в управдомы!

Грин вслушивался в разговор, понимал сказанное, но не улавливал потаённого смысла. Некое глубинное, скрытое течение, видимое обеими дамами, не давалось ему.

Нахмурившись, он миновал вестибюль и храбро ступил в гулкий коридор.

«Fucking shit!»

Как штурман без компаса и карты... Вертя головой, Саймон наткнулся-таки на искомое. «Отдел кадров».

За дверью обнаружился небольшой кабинет. Шкаф для бумаг, развесистое растение в горшке на подоконнике, внушительный, крашенный белой краской сейф, портрет Ленина на стене – и огромный письменный стол, попиравший тумбами истертый паркет.

За столом сидела пожилая, но энергичная женщина в карминно-красной кофте, наброшенной на строгое серое платье. Волосы, крашенные басмой, придавали начальнице южной знойности.

– Здравствуйте! – по-простецки сказал Грин, сдергивая шапку.

– Здравствуйте, – женщина глянула на посетителя поверх очков в тонкой золотой оправе. – Вы устраиваться?

– Да! Был слух, что вам нужны водители...

– Хорошие водители всегда нужны, – проговорила «персональный менеджер», акцентируя слово «хорошие». – Документы с собой?

– Да, вот – Саймон с готовностью протянул бумаги

– Семен Зеленов... – прочла начальница. – Водитель первого класса... Характеризуется... Не был... Не состоял... Не привлекался... Хм. Ну, что ж... Требуется водитель на «каблучок».

Грин мгновенно вспотел, лихорадочно вспоминая марки советских автомобилей, и с громадным облегчением выдохнул. «Каблук» – разговорное название легкового фургона «Иж-2715».

– Машина новая? – деловито спросил он.

– Новая, но неухоженная. Устройтесь если, покажете себя с хорошей стороны – пересядете на машину получше.

– Справедливо, – согласился Саймон. – Оформляйте!

Час спустя распаренный водитель Зеленов покинул контору продснаба, торопясь в общежитие.

Надо было успеть застать комендантшу, чтоб та выдала постельное белье. Иначе заночуешь на голом матрасе, а завтра рано вставать...

Инфильтрация начиналась успешно.

Среда, 4 февраля. После уроков.

Первомайск, улица Карла Либкнехта

Чего-то я сегодня устал. Школа меня не напрягала особо, на уроках отдыхал больше. А вот в Центре пришлось поднапрячься. Как засел статью править, так и встал из-за стола лишь под вечер. Все страницы красным исчеркал, придется теперь начисто перепечатывать. Разумеется, не в гараже – куплю шоколадку Сашеньке, секретарше Николая Алексеевича. У нее там отличная пишмашинка, швейцарская, с мягким ходом...

Прогибая спину, я выбрался к окну. Зимний вечер.

Темнеет рано, хоть сутки и прирастают светом. Домами и улицами пока не завладела ночная чернота – город окутался сплошной лиловой тенью, размывавшей знакомые черты. На перепаде дня и ночи всё, ставшее привычным и обыденным, чудится таинственным, даже нездешним.

Двухэтажка, замыкавшая «военный двор», вся просвечена уютными желтыми окнами. Ага! Вот и Наташка включила свет – розовые шторы придали ему гламурный оттенок. Я прищурился – вроде бы мелькнул нечеткий силуэт... И

усмехнулся – ревную будто. Вот и высматриваю, не засветится ли чей-то brutальный профиль.

Тут моих ушей достиг дружный смех, и я пошел на звук. Не стоит ожидать депрессии, когда тебе семнадцать. Особенно, если душе пора на пенсию. Дождешься...

Покинув кабинет, прислушался. Хохот рвался из мастерской. Сбежав по лестнице, я толкнул тяжелую дверь и очутился в царстве Ромуальдыча. Вечером сюда вся молодежь сбредается. Так уж повелось.

Сперва мы по делу собирались. Все ж таки, Вайткус официально – директор. Устраивали планерки, делились мнениями, спорили. А Ромуальдыч, обожавший юное шумство, и чаю заварит, и килограмм конфет на верстак вывалит. Не поддержать такую «славную трудовую традицию»? Как можно!

– Мишечка явился! – заулыбались девчонки, оккупировавшие диван. – Приветтики!

– А в щечку чмокнуть? – сказал я бархатным голосом.

– Чё это? – тут же встрял Изя. – Перебьешься как-нибудь!

– Чё это! – передразнила его Светланка. – Мы потом, Мишенька!

– По очереди! – хихикнула Маша. – По очереди!

Рита молча улыбалась мне, но смотрела так, что обещания близняшек представлялись детскими.

– Миша! – Арсений Ромуальдович вырвал меня из девичьего плена. – Тут ребята идею подкинули...

– Я подкинул! – похвастался Динавицер.

– Вообще-то, мы, мон шер, – поправил его Зенков. Он вместе с неразлучным Дюхой восседал на верстаке и болтал ногами. – Может, нам автопробег организовать?

– Первомайск – Москва! – воскликнул Изя.

– Надо обязательно с идеологической нагрузкой! – вско-чил Саня Заседателей. – Комсомольский автопробег «На-встречу XXV съезду КПСС»! Тогда нас обязательно в райко-ме поддержат, да и от уроков точно освободят. На всю неде-лю!

– Смотри! – Женька спрыгнул с верстака, и подошел к большой карте СССР, висевшей на перегородке, из-за кото-рой слегка поддувало – большой гараж отапливался всего парой батарей. – Двинемся через Умань до Киева, там пере-ночуем...

– Рано ночевку устраивать, – не согласился Жуков. – Да-вайте лучше до Сейма дорулим, а там в пионерлагерь свер-нем. Гошка говорит... Гош!

– А? – взлохмаченный Кирш выглянул из гаража. – Чего тебе?

– Сильно занят?

– Мы тут резину набиваем на ворота, – степенно ответил Гоша, – дует сильно. А чего?

– А у тебя там, правда, сторож знакомый? Ну, помнишь, ты говорил? В лагере том, на Сейме!

До Кирша дошло не сразу.

– А-а! – завел он. – Ну, да. Дядь Сеня.

– Всё, – отпустил его Изя, – свободен.

Гоша фыркнул, и захлопнул дверь.

– Ладно, мон шер, – согласился Зенков, – подышим свежим воздухом. М-м... Потом переход до Брянска, а оттуда – до Калуги. Можно и сразу в Москву, но в дороге устанем. Ни поесть, ни умыться. Лучше с утра выехать, и... куда-нибудь в столицу.

– На массовое поле можно, – прикинул я, – в парке Горького.

– Так ты согласен?

Мне удалось найти вариант «и нашим, и вашим».

– В принципе, да, но... Чего-то не хватает. Одной идеологической нагрузки маловато будет. Надо что-то свое... Ладно, подумаем.

Тут из гаража донесся громкий говор, смех, и двери распахнулись. Улыбчивый Гоша с жирным мазком мазута на щеке объявил:

– У нас гости!

В двери спиной просеменила Тимоша, и стало ясно, что она помогает затаскивать санки. Нет, не детские... Розовая с холода Альбина затолкала в мастерскую креслице с приделанными обрезками лыж. На санках, укутанный теплым одеялом, восседал робкий старичок, улыбаясь смущенно и неуверенно.

– Ой, здрасте! – зазвенела Ефимова. – А это мой дед Егор!

Мы катались, хотели уже домой идти, а потом смотрим – у вас тут свет везде!

– Сейчас мы вам чайку горяченького! – подмигнул Ромуальдыч.

– Чаек – это хорошо! – покивал дед Егор. – Да, Альбинка?

– Ой, конечно! Не замерз, деда?

– Да ну!

Я смотрел на старика в самодельном инвалидном кресле, и было мне тяжело. Так со мной всегда, стоит только услышать «эхо прошедшей войны», увидеть ее страшный след.

Дед Альбины летал на «Яках» и «Ла-5», бил фрицев, дошел до самого Кёнигсберга, пока пулеметная очередь не прошила истребитель, перебив обе ноги. С тех самых пор Егор Пименович – калека. Если бы не внука, вообще из дома не показывался.

И вовсе не жалость меня доставала, хотя и она тоже. Просто жило где-то внутри паршивое чувство... не возвращенного долга, что ли?

Я усмехнулся, глядя в темное окно, выложенное по краям кружевными веточками инея. Такая вот славная традиция у попаданцев в «застойные семидесятые» – думать о тех, кто лил кровь в грозные сороковые. Нас спасли, а сами...

И причина тут вовсе не в том, что «гости из будущего» морально устойчивы и по-особому совестливы. Всё куда проще.

Это к 2018-му фронтовиков почти не останется в живых, а сейчас герои войны – кругом, их много, они в самом расцве-

те сил. Трудятся, учат, ищут. Или маются всю свою жизнь, как дед Егор.

– Осторожненько... – добродушно проворчал Вайткус. – Кружка горячая.

– Да я в варежках, нормально...

– Ой, «Лимонные»? Мои любимые!

Я старательно улыбался Альбинке, а сам думал, мыслью нащупывал верный ход, верное решение. Во мне до сих пор жило ощущение внутренней свободы, испытанное мною в лыжном походе. После я не раз спрашивал себя, а правильно ли поступаю, отказываясь помогать членам Политбюро. Как же тогда «перестройка» – в экономике, в партии, в военной доктрине, в обществе? А никак! По фигу все эти «великие перемены»!

Инфу я слил? Слил. «Исторические преобразования» запущены? Запущены. Влиять на ход реформ могу? Нет.

Так, может, хватит суфлировать? Хватит витать в высших сферах? Пора, как Канторович, спуститься в подлунно-земноводный мир – и заняться делом. Подпихивать прогресс в микроэлектронике или вот – помогать незаметным героям.

«Тут даже придумывать ничего не надо, – подумал я, – альтернативщики всё придумали до нас...»

Кто-то из авторов, помню, задумал поисковые отряды организовать, вести «раскопки по войне», а кто-то техоснастку в ФРГ «закупал», чтобы современные протезы клепать...

Я замер.

– Ну, ты и балбе-ес...

– Это ты кому? – подозрительно сощурился Изя.

– Это я себе.

Продолжая бурчать, протер мокрой тряпкой обычную школьную доску, и мелом набросал чертежик модульного протеза с торсионными соединениями. Карбоновая стопа с вертикальным амортизатором... Приемная гильза из литевых смол с силиконовым чехлом... Коленный модуль с регулировкой фазы переноса и – обязательно – с поворотным устройством для разворота голени... Ну, чтобы инвалид мог сесть в машину или просто положить ногу на ногу.

– Миш, чай будешь? – Ромуальдыч качнул кружкой с черными крапками отбитой эмали.

– Будешь... – затянул я, выводя мелом пневмодемпер.

– Ого... – Вайткус слегка нахмурился, оглядывая эскиз, но вскоре лицо его прояснилось. – Етто счастье... для Егора Пименыча?

– Счастье для всех – и даром! – отговорился я.

Глава 3.

Среда, 11 февраля. Утро

Первомайский район, Грушевский совхоз.

– Ось ци трубы, хлопцы та девчата, – пышная круглолицая тетя-агроном провела наш класс под стеклянные своды,

и полной рукой окинула фронт работ. – Зчищайте ржавчину до металла, а мы пофарбуемо серебринам. «Лепестки» не забудьте!

Дождавшись, пока крупногабаритная тетя отойдет подалее, Изя передразнил ее:

– «Зчищайте, хлопци та девчата!» Ага... Отсюда – и до обеда!

– Ой, Изя, вечно ты... – вступилась Альбина за агрономину, но без особого энтузиазма.

Зенков мрачно покачал головой.

– Боюсь, мон шер, что до ужина.

Я оглядел теплицу – грядки, стойки, трубы сходились в точке перспективы. И перспектива казалась невеселой.

– Ось що, ребята та девчата, – моя рука подняла металлическую щетку, как факел. – Делим трубы на участки! Каждому – от стойки до стойки. Если по-хорошему, управимся до одиннадцати. Ну, до полдвенадцатого!

Все загомонили вразнобой, разбредаясь:

– Чур, это мой!

– Хитренький какой! Тут ржавчины почти нет.

– Ага, нет!

– Ой, да везде она!

– Дюша, а ты куда-а?

– Зиночка, Зинулечка, да куда ж я от тебя?

– То-то...

– Давай, тут? Маш!

– Давай, давай! Я во-от досюда...

– Тогда мы тут!

Забавно, что никто из одноклассников даже не подумал роптать – привыкли, что я решаю за них – «с учетом интересов». Никогда не рвался в лидеры, ответственность меня напрыгала, однако в классе всё как-то само собой получилось. Хм... Но, видно, не для всех. Наш новенький, Армен Тагиров, лыбился как-то уж очень приторно.

– А я почему-то думал, что вы не поддаетесь дрессировке! – развязно вытолкнул он.

Я наклонился, чтобы скрыть понятливую улыбочку. Зачем мне, в моем классе, баланс конфликтов?

Тагиров-старший – военный, перевез в Первомайск всю семью откуда-то из Казахстана. Надо полагать, Армен – высокий, спортивный, уверенный в себе до легкой наглости, привык занимать центральное место, и нынешний статус уязвлял его. Мальчишки игнорировали лидерские претензии «Тагира», а девчонки напускали на себя холодную надменность.

– Чё это? Не по-онял... – затянул мелкий Изя, упирая руки в боки. – И кто тут дрессировщик, по-твоему?

– Ой, Изя... – начала Альбина, но смолкла.

– Это он меня имеет в виду, – присев на корточки перед ящиком со щетками, я выбирал себе поновее, с ровным ершиком стальной щетины.

– Ну, ни фигассе! – развеселился Динавицер. – Ара, тебе

морду давно били? Хочешь освежить ощущения?

«Тагир», держа руки в стороны, чтобы не замарать джинсовый костюмчик, навис над нашим скрипачом.

– Ты, что ли, освежишь?

– Я, – вперед вышел Юрка Сосницкий.

Он двигался с той нарочитой ленцой, за которой угадывался опасный напряг. Знакомо прищурившись, «Сосна» выцедил:

– Слышь, ты Миху лучше не трогай. Понял? Миха – человек, он людей спасал! Хочешь быть с нами – будь. Только сначала заучи наши правила! Иначе так и останешься... – он презрительно смерил Армена с ног до головы. – Говном на палочке!

Тагирову не хватило ума или опыта выбрать вариант по-лучше стандартного. Сжав кулаки, он промычал:

– Выйдем?

– Да пошли! – фыркнул Сосна, разворачиваясь к дверям.

– Юр... – молвил я предостерегающе.

– Не беспокойся, Гарин, – ухмыльнулся Сосницкий. – Буду бить аккуратно, но сильно!

Минут через пять он вернулся, небрежно поведав, что Армен вспомнил об Очень Важном Деле. Вдруг. Да, и еще ему надо костюмчик срочно сдать в химчистку. Совсем вещи не бережет...

Атмосфера разрядилась, галдеж поднялся на пару октав.

– Я с тобой буду, ладно? – Рита, забросив руки за голову,

утягивала завязки «лепестка». – Давай, завяжу.

– Давай...

Стянув плоский «лепесток» в респиратор, я закрыл нос и рот, а Сулима ухватила завязки. Девушка прижалась к моей спине, неторопливо затягивая узелок, и очередной мой вдох вышел прерывистым.

– Не туго? – прозвучал над ухом заботливый вопрос.

– Нормально... – заворчал я.

Нет, нельзя мне к ней приближаться. Ага... А ты попробуй, выдержи с Ритой «пионерскую дистанцию»! Хочется-то иного...

«Печален ты, отроческий удел!»

Я ожесточенно завозил щеткой. Рыжая пыль и блески старой краски осыпались трухой, проглянул седой металл. Ширканье от десятков рук множилось, труба звенела и вибрировала.

За мутноватыми стеклами в наметах грязи и примерзших комочках земли виднелась полоса искрившегося снега, а за нею поблескивала следующая теплица. Туда уже подали горячую воду – огурцы всюю лезли на стойки, закручивая усики, а девушки из овощеводческой бригады расхаживали в открытых платьях, изредка поглядывая на «шефов» из 12-й школы...

Я присмотрелся, холодея. Почудилось, что среди селянок мелькнула Инна.

«Она тебе мерещится уже!»

Высокая, стройная девушка, очень похожая на Дворскую, приблизилась к самым стеклам, расправляя огуречные плети. Задумчивая и рассеянная, она подняла голову – и мы встретились глазами. Это была Лариса.

Узнав меня, Дворская-старшая непроизвольно дернула рукой, словно желая прикрыть лицо, отвернуться, зажаться... Передумав, Лариса робко повела ладонью, как будто оглаживая толстое стекло, и я махнул в ответ. На растерянном девичьем лице протаяла улыбка.

– Ай!

Сулима споткнулась, взмахивая руками, ширя в испуге глаза, падая прямо на трубы. Без сверхскорости реакция, конечно, не та, но мне удалось-таки подхватить Риту за талию, крутанув пируэт, будто в танго. И притиснуть, коль уж выдался случай прекрасный.

Черные глаза раскрылись совсем рядом – я различал каждую ресничку, а в зрачках разгорались опасные темные огоньки. Девичьи губы дрогнули, дотягиваясь и опалая ухо горячим шепотом:

– Тянет?

– Еще как, – буркнул я, чувствуя тепло покрасневших щек.

– Меня тоже! – хихикнулось в ответ.

* * *

Без четверти одиннадцать труба блестела голым металлом. Тетю-агронома до того умилил наш ударный труд, что она каждому выдала по бумажному пакету со свежими, только что с грядки, огурчиками.

Весело галдя и хвастаясь добычей, одноклассники потопали на выход, а я, доверив свою долю близняшкам, потащился в инструменталку сдавать щетки – уж такова она, лидерская участь. Всё сам, всё сам...

В коридоре у котельной меня поджидала Лариса. Сняв козынку, она теребила ее в пальцах, будто пытаюсь завязать в узел.

– Привет! – улыбнулся я, перехватывая ящик со щетками. – Оказываем шефскую помощь?

– Да нет, – девушка отзеркалила мою улыбку, но как-то бледновато, – я здесь работаю. На заочное перевелась и... вот.

– Лариса, – я поставил ящик на замызганный деревянный диванчик под табличкой «Место для курения», и взял серьезный тон. – У меня такое ощущение, что ты меня избегаешь.

– Нет, нет, что ты! – всполошилась старшая сестричка, и потупилась, несчастно и беспомощно глядя в сторону. – Просто... Стыдно из-за Инны! – выпалила она, мигом краснея от шеи до ушей.

– Лари-исочка! – завел я, обращаясь, как к малолетке. – Ты-то здесь каким боком? Ну, да, вы очень похожи с сестри-

цей, и что? Кстати, ты гораздо женственней Инки. И сексуальней.

Я нарочно болтал, уводя в сторону шалостей да игривостей – жалко было девчонку.

– Да ну тебя! – зарозовела Лорка. – Как скажешь что-нибудь... – она смяла платок, косясь исподлобья. – Ты... знаешь про Инну?

– Застал их обоих, – мой голос звучал совершенно спокойно. – В съемочном павильоне. Его Олег зовут?

– Ну да, это же Видов!

– А-а... Слышал про такого, – равнодушно отозвался я.

– Олег, конечно, козел, но и Инка – коза! И дура! Ох, какая же дура... – Лариса горестно покачала головой, и вздохнула. – Всё так запуталось... В январе она сделала аборт. Испугалась, что беременность помешает съемкам! Ну, вот что ты скажешь... Был жуткий скандал, маме «скорую» вызывали... Инку даже хотели выгнать за аморалку, но Гайдай молодец, отстоял. Я тогда чуть не чокнулась, правда! Спала часа по три, а днем – дурдом полнейший! Инка в истерике, Олег в истерике, вся съемочная группа в истерике! Рассказывали даже, что Вицин хотел морду Олегу набить, но вроде оттащили. Жена Видова сразу подала на развод, Олег неделю за Инкой бегал, чуть ли не силком в ЗАГС приволок, и их моментом расписали... Говорят, по прямому поручению Демичева. Вот только свадьбы никакой не было...

Выговорившись, Лариса затихла, сникая. Я обнял ее, и де-

вущка тут же расплакалась – навзрыд, трясясь, всхлипывая и причитая.

Мои руки будто сами погладили ее по голове, по спине – было жалко старшую сестричку. А вот младшую – нисколько. И вовсе не потому, что предала... изменила... предпочла... Нет. Просто, когда слышишь о чужом несчастье, душа дрогнет далеко не всегда. Чье-то горе тронет тебя, а чье-то оставит равнодушным. Инна, Инна... Мне казалось – мы с нею идем навстречу друг другу, а вышло, что разминулись – и отдаляемся. Зона отчуждения между нами растет – не одолеешь, да я и не хочу. Пускай мой роман о любви останется недописанным...

– Ну, не плачь, не надо... – проговаривал я ласковые пустяки. – Всё же хорошо, чего ты?

Чумазные кочегары вышли курнуть, но, видя такое дело, обратили разудалые матерки в смущенное покашливание, и удалились, стараясь не грюкать кирзачами.

Вечер того же дня

Первомайск, улица Карла Либкнехта

Углепластика КМУ-4 на Киевском авиазаводе в Святошино было, как гуталина у Матроскина – ну, просто завались! Помогла нерасторопность планового производства – пока химзаводы раскачались, пока выдали углеродное волокно, многие детали на «Ан-22», должны, по идее, стать карбоно-

выми, быстренько выпустили в металле. Военные ждать не умели.

И Ромуальдыч привез целых два ящика пластин из углепластика. Незаменимый человечеще!

– Изя, ты куда трубки дел? – глухо донесся голос из коридора, сопровождаясь звонким клацаньем.

– Я ж их тебе положил! – завопил Динавицер.

– Куда?

– Сюда! А, вот они, скатились...

Я мельком улыбнулся, пробираясь к столу. Мой кабинет все больше напоминал съемочную площадку «Терминатора» – на столе и в углу блестели полировкой суставчатые, коленчатые «ноги» модульных протезов. Те грубые, выструганные из дерева изделия, что пугающими обрубками были свалены в нынешних протезных мастерских, не слишком эволюционировали со времен одноногого Джона Сильвера. А тут... Я довольно усмехнулся – будет, с чем в Москву ехать!

– Альбина! Обмеры точные?

– Ой, да вы что? – обиженно отозвалась Ефимова. – Конечно, точные!

Ромуальдыч кивнул, и отобрал нужные силиконовые чехлы.

– Как раз под гильзы... Нормально всё? – развернулся он ко мне.

– Нормально... Подогнал под каблук. Если дома босиком, то вот, – я постучал по регулируемой щиколотке, – переключо-

чается клавишей. А гидроцилиндр – больше для удобства. Когда дед Егор сядет, то мысок стопы вот так встанет, – показал на пальцах, – как на живой ноге.

– Не дай бог без ног остаться... – проворчал Вайткус.

– Без рук еще страшней.

– И не говори... – Ромуальдыч приблизил к глазам листок, разбирая мой почерк. – «Пяти...осный коленный модуль с гидравлическим контролем фазы переноса и фазы опоры...» С переносом понял – чтобы ходить с разной скоростью. Так? А опора?

– А это... – я намертво закрутил клапан. – Ух... Это для подгибания. Когда по лестнице идешь или с горки... Всё!

Вайткус смешливо хрюкнул.

– Ты уже третий раз говоришь: «Всё!»

– Теперь уже точно, – выдохнул я и очень бодро спросил: – Где наш испытатель?

– Внизу ждет, – доложил торчавший в дверях Женька. – Жутко волнуется! И жутко стесняется.

– Девочек выгоним, – сурово сказал я. – Понесли!

И мы торжественно промаршировали в мастерскую, неся модульники на руках.

Собрались все наши – еле протолкнешься. Пришатнувшись к Рите, я тихонько сказал:

– Уведи девушек. Дед в одних трусах... Мы вас позовем.

Сулима серьезно кивнула, и без церемоний вытурила весь наш малинник. Девчонки оживленно шушукались, хихика-

ли, но ни одна не повысила голос – наши подружки отличались не только прекрасными внешними данными, но и общительностью.

Стало заметно тише, но градус волнения не упал.

Егор Пименович сидел на диване, одеяльцем прикрывая культы, как срам. Момент истины... И не только для конструкции – я Риткиному деду целую неделю реабилитацию устраивал. Приду, типа, отливку примерять, а сам исподтишка культяпки разрабатываю. Это у одного Иисуса получалось сразу: «Встань и иди!», а в реале безногому месяца два приспособливаться надо, если не больше...

– Начали! – выдохнул я. – Вставляем... Закрепляем...

Бледный фронтовик едва дышал, неловко заталкивая то, что осталось от молодых, крепких ног в приемные гильзы.

– Мягко... – пробормотал он, розовея. – Приятно даже...

– Зафиксировали? Встае-ем...

Дюха помогал деду Егору слева, а Ромуальдыч страховал справа. Шевельнув ногой, инвалид переставил стопу из упругих карбоновых деталей, и покачнулся.

– О-ох!

– Все в порядке, Егор Пименыч! – подбодрил я, сбрасывая напряжение. – Вы просто долго не ходили. Но не разучились. Это как катанье на велике – тело вспомнит, и поедете! Сделайте шаг!

Хрипло дыша, безногий шагнул. Я переживал не меньше, но конструкция не подвела – коленный модуль согнулся в

переносе на положенный угол, и щиколотка оперлась на пятку из углепластика. Едва слышно пискнул гидроцилиндр.

– Вы, как киборг! – восхищенно завопил Изя, и расстроено смолк. По щекам деда Егора катились слезы.

– Нет, нет, – всхлипнул он. – Я не про то... Просто... Ох... Я ж тридцать лет не ходил! Забыл уже, как это – смотреть на все стоя... Ох... Мужики, тут даже «спасибо» не звучит! Я же хожу! А ну, дайте сам попробую...

Дюха вопросительно глянул на меня, и я успокоительно кивнул. Ромуальдыч отпустил правую руку «испытателя», напряженно следя за фронтовиком, и тот шагнул сам. Чуть шатнулся (Вайткус дернулся), но удержался. Касаясь пальцами верстака, калека прошелся до станков и обратно. Постоял, перетаптываясь – и пересек мастерскую по диагонали.

– Отлично! – воскликнул Ромуальдыч. – Теперь давайте в штанах и в обуви!

– Я что, – охнул счастливый дед Егор, – сам домой пойду? Пешком?

– Да хоть бегом!

Фронтовик с нашей помощью натянул штаны папы Альбины. Деду они оказались коротки, а вот ботинки, обычные «прощайки», впору пришлись – мы по ним и делали стопу.

– Встаем... Изя, впускай девочек!

– Щас!

Первой вбежала Альбинка. Замерла, закрывая ладошками рот, и заревела.

– Де-еда...

Натужно улыбаясь, Егор Пименович прошкандыбал к внучке, и обнял ее.

– Ну, чего ж ты плачешь, дуреха? – ласково проговорил он. – Радоваться надо, а она нюнит...

– Я ра-адуюсь...

– И ноги не мерзнут! – мелко засмеялся дед Егор.

Рита протолкалась ко мне, вцепилась в рукав. Всхлипнула.

– Мишечка... Ты... Ты такой молодец...

– Все мы молодцы, – слабо улыбнулся я, и приобнял девушку.

Головная боль мягко вкручивала штопор в висок.

«Хорошо, хоть не зубная!», – мелькнуло у меня.

Воскресенье, 15 февраля. Утро

Первомайск, улица Дзержинского

Проснулся я рано. Обычно по выходным люблю поваляться, в особенности зимой, когда светает поздно, но в этот день сновидения выветрились моментом. И их место заняли переживания.

Автопробег, эта влекущая мальчишек идея, чуть ли не с первых дней стала обрастать плотью, наливаясь сутью...

«Мальчишек... – я усмехнулся. – А ты-то кто?»

Сколько раз ловил себя на том, что поступаю вовсе не

«по-взрослому», а даю волю детским позывам. И понял, что невозможно сохранить пожилую душу в юном теле. Духовное обязательно омолодится, чтобы совладать с телесным...

«Да уж, куда там! – хмыкнул я мысленно. – Совладаешь с ним, как же... Хотя бы совпадать!»

Автопробег влек меня самого. Я убеждал себя, что стремлюсь придать известности нашему Центру, заодно помогая таким, как дед Егор. Святое дело! Достойная цель, но как бы внешняя, что ли.

А внутренней потребностью было иное – я просто хотел вырваться из привычного круга забот. Отвлечься от буден, чтобы хоть по вечерам, когда автомашины соберутся в круг и разгорится костер, было время посидеть, подумать. О жизни, о себе, о других.

Вроде бы, все уже решено, но я снова и снова выверяю свои расклады, взвешиваю и подвергаю сомнению...

Тут всё мое лицо сморщилось, как будто половинка лимона зажевана – это голову просверлила боль. Не утихая, она колыхалась, проходя все стадии мучения – от резучей остроты до тупого нытья. Спадает, вроде...

Не нравится мне эта «мугрень». Ох, не нравится...

Я хмуро огладил лоб. Что там, в черепушке? Сосудики бунтуют? Или разбухает опухоль, как у деда Семена?

Пообещав себе обязательно сделать электроэнцефалограмму, я встал и подкрутил радио.

– ...Вывести Николая Викторовича Подгорного из состава

ва Политбюро в связи с выходом на пенсию, – бодро доложил дикторский баритон. – Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, член Политбюро ЦК КПСС Григорий Васильевич Романов выступил с предложением передать полномочия Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Данное решение было принято единогласно.

«Горячо поддерживаю и одобряю! – оценил я. – Турнули на год раньше. Молодец, Леонид Ильич. Черненко и Гречко – на кладбище, Подгорного – на пенсию. Тихая чистка сплоченных рядов...»

– Новости экономики, – радиоэстафету подхватил деловитый женский голос. – В соответствии с долговременной программой перестройки управления народным хозяйством, начато разукрупнение Министерства черной металлургии. Из состава Минчермета выведены Магнитогорский и Нижнетагильский металлургические комбинаты. В течение переходного периода оба предприятия будут налаживать прямые связи со смежниками, заключать договора с Госпланом и Госснабом, чтобы с наименьшими потерями перейти на рыночные отношения, используя все положительные моменты социалистической конкуренции и социалистической предприимчивости.

«Демонополизация! – кивнул я. – Нормально...»

Упав на ковер, поотжимался, стряхивая остатки сонной дремы, и завел комп. То бишь, микрЭВМ.

«Коминтерн» загудел, зашелестел вентилятором. На экране монитора высветилась четырехлучевая звезда «оськи». Я сразу заглянул в почту. Ага... Два теста... Так... Письмецо из Зеленограда! Я щелкнул «мышей», наведя курсор, и послал на печать. Принтер вздрогнул – каретка суматошно заметалась, поскрипывая и взвизгивая. Плавно вылез лист с распечаткой.

Гордо хмыкнув, я понес почту на кухню. Разумеется, мама уже развела кофейную церемонию – запахнувшись в халатик, то ли священнодействовала, то ли колдовала. Аромат кофия витал, наполняя кухню.

– Что это вы так рано, Михаил Петрович? – улыбнулась мама, снимая джезву. Бодрящая струя пролилась сквозь ситечко в маленькую зеленую чашечку из полупрозрачного фарфора. – Еще девяти нет.

– Дела, – отозвался я, плюхаясь на диванчик рядом. – Вам письмо, Лидия Васильевна!

– Да? – оживилась Лидия Васильевна. – Петечка никак не уgomонится...

– Скучает.

Прочитав коротенькое послание (еще не напомаженные губы сминались улыбкой), мама вздохнула и приобняла меня за плечи.

– Ой-ё-ё, ёжечки, ё-ё... Раньше я почему-то думала, что вот – вырастут дети, и тревог станет поменьше. Ага... Больше! И я себя как-то неуверенно чувствую. Уж очень вы быст-

ро выросли и перестаёте быть детьми. Ты уж точно повзрослел – и беспокоишь меня постоянно... Мой Мишка, Мишенька уже не в шутку, а всерьёз превращается в Михаила Петровича!

– Таков уж жизненный цикл на стадии имаго, – философски заметил я. – Вредные дети закукливаются в отроков и отрочиц, а потом из коконов вылезают вредные взрослые. А как насчет Анастасии Петровны? Что-то ее не слышно, кстати... Почивать изволят?

– Изволят... Настя еще ребенок, – женский вздох выдал сомнения.

– Мам... Девушка со вторым размером груди уже не совсем дитё.

– Всё-то ты знаешь... – мать растрепала мне волосы, и загрустила.

– Мам, – я обнял ее и прижал к себе, – не переживай, ладно? В моем списке любимых женщин ты всегда будешь занимать самую первую строчку!

– Ну, ты меня утешил! – мама рассмеялась, возвращая очарование утру. – Эх, Мишка, Мишка... Какой же ты у меня большой!

– Пей свой кофе, – улыбнулся я, – а то остынет.

«Любимая женщина» отхлебнула.

– Само то, как наш мастер говорит.

Шлепая босиком, прибрела сонная Настя в старой маминной ночнушке.

– Доброе утро, красавица! – приветствовал я ее.

– Доброе утро, краса-авец... – ответила сестричка, зевая. – Никому к удобствам не надо? А то я надолго...

– Мокни! – уступил я по-братски.

Девушка убрела в ванную, и тут же осторожно тинькнул звонок.

– Кого это с утра принесло? – заворчала во мне скрытая дедовская натура.

Как был, в футболке да в трикушнике, так и вышел ранних гостей встречать. За порогом стоял Сима, то бишь Серафим Павлович, второй секретарь райкома ВЛКСМ. В непривычном для него строгом костюме он напоминал деревенского парубка. Хорошо, хоть без галстука.

– Могу? – ухмыльнулся Серафим, выражаясь с незатейливым лаконизмом.

– Прошу, – шаркнул я тапком.

– Миша, кто там? – донесся мамин голос.

– Это ко мне!

– Нет, если кофе угостите, – жадно принюхался Сима, – то я к вам!

На кухне засмеялись.

– Проходите!

Скинув туфли, второй секретарь пошел на запах.

– Серафим, – скромно представился он. – Просто Сима. Райкомовские мы. Расходуем свой выходной по причине инициативы комсомольских масс.

– Присаживайтесь, Сима, – улыбнулась мама. – Попробую компенсировать потерю времени.

– Премного благодарны!

В ванной зашумел душ, и теперь уже я улыбнулся – Настя дождалась, пока ситуация с визитом прояснится, и лишь теперь включила воду, узнав все подробности.

«Просто Сима» пригубил кофе – и завел глаза под потолок.

– Божественно! – замычал он, и мамины щеки слегка порозовели. Все-таки, до чего красивая мне родительница досталась!

Чмокая и качая головой, Сима ополовинил чашку и лишь затем сказал, отпыхиваясь:

– Ну, что, Миша? С автопробегом все в полном порядке. С таким девизом, как у вас, я иного и не ожидал, а когда Егор Ефимов – Герой Советского Союза, между прочим, – станцевал с нашей завсектором... Все аплодировали стоя!

– Он так хорошо танцует? – удивилась мама.

– У Егора Пименовича ног нет. Ребята, – второй секретарь кивнул на меня, – смастерили ему... Ну, это протезами назвать – язык не поворачивается. Искусственные ноги! Блеск инженерной мысли! Миш, сколько у вас сейчас таких?

– Три пары, если и те считать, что у деда Егора. Да мы бы и больше сделали, но больно дорого выходит.

– Профинансируем, строго обязательно! – веско сказал Сима. – Вопрос на контроле у первого секретаря. Вашу ини-

циативу, товарищ комсорг, поддержали и в Николаеве, и в Киеве, и в Москве! С директором школы я договорился уже, талоны на бензин выбил. Но это все присказка. Короче. Пятеро ветеранов войны, включая Егора Пименовича, тоже хотят поучаствовать в автопробеге. У них на всех – одна здоровая нога! Как раз одноногий – капитан в отставке Скоков – поведет «ЗиС-110». Последние тридцать лет он, если и выбирался на улицу, то на костылях. Можете вы себе такое представить? – обратился он к маме.

– У-ужас! – выдохнула та.

– Во-от! – вытянул палец второй секретарь. – А теперь он будет ходить! Ведь будет, Миш?

– Будет, – твердо пообещал я. – Строго обязательно.

Мамины глаза повлажнели. Она так на меня посмотрела, что я тут же попросил и раздался в плечах.

Глава 4.

Вторник, 17 февраля. Позднее утро.

Сомали, Зейла.

– Товарищ полковник! Прием! Да едрить твою... – Ершов, согнувшись в три погибели, корпел над рацией. Рация шипела, трещала, в моменты хорошего настроения передавала пару слов – и тут же срывалась в свист и вой. Завоеешь на такой жаре...

Солнце палит в затылок, пот капает со склоненного лица на панель... Зимний зной.

Сощурившись, Григорий осмотрелся. Его батальон засел в районе старого порта, отстроенного еще османами. Одни каменные арки да башни остались. Вот и всё, на что можно глянуть в Зейле. Ну мечеть еще, десятка два зданий пожиже, в один-два этажа, а остальное – хижины, кое-как слеplенные из досок, жестянок, картонок, фанерок, тряпья... Но место стратегически важное – порт. Перекресток. Отсюда километров десять до границы с Джибути. Эфиопия не дальше.

А вокруг, куда ни глянь, унылая равнина, редко где восторщенная термитником, всклокоченная акацией или колючими кустами. Бакалия – пыльная, душная, безрадостная полупустыня, где усохшие полукочевники пасут полудохлых овец. Анус мира, как кучеряво выражается сержант Юдин.

– Товарищ капитан!

Ершов оглянулся. К нему трусцой подбежал старший лейтенант Шатов.

– Товарищ капитан! Обе зенитные ракетные батареи развернуты и готовы к бою! – отрапортовал он, четко прикладывая руку к уставной панаме.

– Ат-тлично, старлей! – обрадовался Григорий. – А я уж думал... К-хм... Сиадовцы на подходе. Посматривайте кругом, но основное внимание на юго-восток. Авиация попрет с базы в Хургейсе!

– Есть!

Ершов вышел бочком в узкую тень древней арки и навел бинокль на зеркальную гладь моря. Крейсер «Грозный», где ты? Твой силуэт на фоне Аденского залива так скрасит жизнь...

– Во-оздух! – взревел Юдин, скрытый масксетью.

Григорий резко развернулся. Вдали, над синей полоской гор, трепетавших в горячем воздухе, висели две темные черточки. Они приближались. Мать, мать, мать...

Бросив взгляд на злобно скворчащую рацию, Ершов помчался к ракетчикам.

«Думай сам, товарищ капитан, – прыгали горячащие мысли, – принимай решения, бери ответственность... Знаешь же – крейсера приходят в конце фильма!»

На бегу он прикидывал шансы. Мало народу. Мало стволов. ПТО – по нулям. А Сиад Барре бросит на них Т-34-85 и Т-54, старенькие, да удаленькие...

С моря их не взять, и с севера не обойти – сплошные минные поля. К западу – Зейла. Если дойдет до уличных боев, то найдется, где закрепиться – турки строили на века...

У ракетчиков за внешней суетой проглядывал строгий ритм окончательной готовности – ОГ. Стремительных, хищных очертаний «стодвадцатьпятки» будто притаились на пусковых установках, а их глаза и уши шарили незримыми лучами по всем азимутам.

Шатова Ершов застал как раз у ПА – антенного поста. Дверца распахнута настежь, а бойцы в одних трусах, мокрых

от пота, и в касках, напряженно отслеживают мутные горизонты.

– Цель с юго-востока! Идет на нас!

Старлея будто подбросило.

– Тревога! Все по местам!

Шатов нырнул за дверцу, а Григорий занял его место в зыбкой тени маскировочной сети.

– Вижу цель!

– Готовность!

– Готовность к бою одним каналом!

– Захват цели!

– Есть захват!

– Идет пара «Ил-28»!

Оператор – худой веснушчатый парнишка с выгоревшим на тропическом солнце чубом – взял цель на автоматическое сопровождение. Оператор ручного подслеживал.

– По ведущему! – сипло скомандовал Шатов. – Пуск!

С-125 с громовым шипением распушила лисий хвост пламени и сорвалась с направляющих, взвилась в небо оперенной стрелой. Бомбовоз уже просматривался в бинокль – прыгал в перекрестье, но опознавательный знак сомалийских ВВС – белая звезда, вписанная в голубой круг – виднелся четко. И вдруг бомбардировщик лопнул, расплылся огненной тучкой. Обломки крыльев, гондолы движков закувыркались по курсу – черные на оранжево-красном.

– Есть! Цель поражена!

– Целимся по ведомому!

– Есть захват!

– Готов к стрельбе!

– Пуск!

Ершов опустил бинокль. «Ил-28» бешено ревел, словно обещая страшную месть за сбитого собрата. Поспешил ли штурман, или бомбардировочный прицел страдал «гнутием ствола», не ясно, но самолет вывалил фугасы задолго до кварталов Зейлы.

Авиабомбы красиво рвались, вздымая тонны песка и пыли, но еще красивее сгинул «Ил» – потеряв крыло, он завертелся, распадаясь на части, и врезался в землю на окраине древнего пустынного городишки.

– Товарищ капитан! – Юдин бежал, придерживая берет. – Танки! Лэггэсэ выдвинул «Шилки», чтоб с высоток шмалять, так разве ж это калибр...

Ершов покусал губу, соображая.

– Телефон хоть работает?

– А то!

– Вызывай Азамата!

– Есть!

«Не тот калибр... – крутилось в голове. – А ведь есть у нас ат-тличный калибр...»

– Тащ-щ капитан! Азамат на проводе!

– Алё! – схватил Григорий протянутую трубку. – Ты где? На минарете?

– Так точно, товарищ капитан!

– Танки видишь?

– Вижу!

– Много?

– Да почти батальон! Три танковых роты точно! «Тридцатьчетверки», в основном!

Ершов передал трубку сержанту, и рванул к старлею.

– Шатов!

– Товарищ капитан...

– Забудь устав, понял?

– Есть... – растерялся ракетчик.

– А теперь слушай. Ракет у тебя много, гораздо больше, чем авиации у Сиада. Сможешь ты ими влупить по танкам, да по пехоте?

Шатов не удивился. Он задумался.

– Нет, ну-у... Можно, в принципе. Если С-125 пускать с «загрубленным» радиовзрывателем, она сработает метрах в десяти-пятнадцати от земли. Шестьдесят кило поражающих элементов по пехоте – это, знаете... Мокрое место размером с волейбольную площадку!

– Действуй, старлей! Пускай зенитных красоток в упор!

– Есть!

Короткими перебежками Ершов выбрался к мечети. Фаллический силуэт беленого минарета манил высотой.

«Одного снаряда хватит... – мелькнуло у капитана. – Ну, это если попадут...»

Покрутившись по винтовой лестнице, Григорий выбрался на площадку, где с комфортом устроился Азамат.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – осклабился спецназовец. – Вон они, «коробочки»! Вид сверху!

Даже без оптики различались Т-34 желтоватой «пустынной» окраски. Танки выползали из сухого русла и перли на Зейлу, фыркая черными выхлопами. Слабый ветерок сдувал бурые шлейфы пыли. Между «коробочек» бежали мураши-пехотинцы. Внезапно из пары орудий вырвался огонь, и вскоре донеслись отрывистые громы выстрелов.

– Давай, Шатов, – процедил капитан, – давай...

Ракетчик словно услышал его. Сразу три С-125 вынеслись, разворошив облако песка, и полетели «нызенько-нызенько», лопнув над танковым клином. Три шара огня распухли, сдувая пехоту и пересыпая песком человечье месиво. Одна из ракет угодила прямо в единственный Т-54 – башня ушла в кувырок, а корпус полыхнул весь и сразу.

– Товарищ капитан! – заорал вдруг Азамат.

– Что?

– Не туда смотрите!

Ершов, не вставая с колен, развернулся к морю. Его небритые щеки, покрытые корочкой пыли, замешанной на поте, раздвинулись в улыбке.

– Ура-а... – выдохнул он шепотом.

С моря подходил крейсер «Грозный», а в небе, поблескивая лопастями, кружил «Ка-25». Дымка размывала корабль,

и что там творилось на палубе, не давалось зрению. Но вот развернулась счетверенная пусковая установка, и по косою растянулся оранжевый факел пламени, унося тяжелую ракету П-35. И еще одну. И еще, и еще...

– Давай... – шептал Азамат. – Давай...

Четыре исчадия спикировали почти одновременно, разворачиваясь вдоль линии наступавших танков. Четыре взрыва, один за другим, перетрясли пески полутонными БЧ. Волна горячего воздуха ударила, едва не скинув Ершова с минарета.

– Эпичный натюрморт! – захохотал спецназовец, колотя кулаком по хлипким перилам. – Ты только глянь, капитан!

Ершов глянул. Четыре воронки в ряд как будто прочертили красную линию: за нее – ни шагу. С десятков танков горело, еще несколько валялись вверх гусеницами. Около роты «Т-34» откатывались задним ходом, пехота лезла на броню, бросая оружие. Но не все.

Ершов поневоле втянул голову в плечи, заслышав мерзкое зудение. Одна из пуль впиалась в перила, расщепляя сухое дерево, а другая мягко чмокнула.

– Чуть не попали! – нервно хихикнул Ершов. – Азамат!

Спецназовец медленно съезжал на пол, скользя спиной по колонне. Неотесанный камень пачкался кровью. Сев на пол площадки, словно в изнеможении, погибавший боец шевельнул губами, силясь что-то сказать, но его время истекло – лицо застыло, будто смерзлось.

– Азамат...

Григорий осунулся – и медленно встал. Сиадовцы больше не были для него «вооруженными силами противника», сегодня они стали врагами.

– Рвать буду, с-суки, – тяжело обронил Ершов. – Азамата я вам не прощу...

Мертвый взгляд спецназовца был устремлен сквозь чересполосицу балясин – в спину бежавшим врагам.

Тот же день, позже.

Первомайск, улица Мичурина

Украинская зима обильна снегами, а вот на морозы жадна. Зато так и норовит устроить оттепель. Пушистого снега не найдешь даже в саду под деревьями – сугробы опали и затвердели, блестя смерзшейся коркой. Взять в пригоршни, чтобы омыть лицо, не получится, только пальцы исцарапаешь о ледяные чешуйки...

– Марина! – разнесся в чистом воздухе высокий голос Наташи.

– Иду!

Исаева развернулась на скользкой дорожке, и пошла, ускоряя шаг. Во дворе позванивала пила – непривычные Умар с Рустамом тягали ее резко, словно вырывая друг у друга. Зато Иван Третий управлялся с колуном умеючи – с размахом, да с выдохом разваливал чурки, а Иван Второй

«добивал» их топором, мельча здоровые поленья.

Улыбнувшись друзьям, «Росита» пошагала к дому. Ивану Первому сегодня подфартило – он тащил ведро антрацита, и куртуазно распахнул перед девушкой дверь веранды.

– Пр-рашу!

– Благодарю, вы очень любезны!

В общем зале было пусто и тихо, даже старенький «Саратов» не тархтел, как обычно.

– Мы тут! – Верченко выглянула из кабинета Иванова, и юркнула обратно, будто в норку.

Неуютная комната выглядела, как раскомандировка ЖЭКа – обшарпанная мебель, скучные графики на стене, гора папок на подоконнике.

Сам генерал-лейтенант восседал за столом, перечитывая сводки, заштемпелеванные грифами секретности. Напротив, попирая скрипучий деревянный диванчик, бронзовел Славин, изображая памятник уверенному спокойствию. Верченко независимо устроилась рядом, и капитан робко подвинулся, краснея, как мальчик.

«Всё с вами ясно...»

Взглянув на Марину поверх очков, Иванов кивнул ей, и повел рукой – садись, мол, где тебе удобно. Капитан Исаева примостилась на старый венский стул.

– Та-ак... Ну, что... – генерал-лейтенант снял очки и помассировал двумя пальцами переносицу. – Не знаю даже, с чего начать... – проворчал он добродушно, приподнято да-

же. – Больше года мы толклись на одном и том же месте. И росло ощущение, что где-то мы свернули не туда. Упустили что-то важное, хоть и казавшееся пустяком. М-да. Вчера... Нет, позавчера, когда отлучался в Москву... Кстати, Коля, пока не забыл – я тебе привез аж килограмм твоего излюбленного «Рокфора». Он там, в холодильнике.

– Спасибо, Борис Семенович! – обрадованно прогудел Славин.

– Кушайте, не обляпайтесь, – Иванов откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. – Так вот, в Москве меня... хм... постигла удача. Совершенно случайно я пересекся с Суловым-младшим, нашим «генералом от кибернетики». Революй Михайлович хвастался новой шифровальной программой, а написало ее одно юное дарование из Первомайска. Выпускник 12-й школы Миша Гарин.

Марина похолодела. Стараясь не выдать волнения, она задумчиво потерла пальцы, опуская глаза.

– Тот самый Миша, что учится в одном классе со Светланой Шевелёвой, исцелившейся в позапрошлом году от паралича обеих ног, – продолжал Борис Семенович флегматичным тоном, каким делятся воспоминаниями. – Генерал мне и фотку показал. Снимали на госдаче Сулова-старшего. В кадр попали и хозяин с внуком, и Революй Михайлович с женой... И Миша Гарин. Оказывается, он гостил в «Сосновке-1» год назад, на зимних каникулах. Вот тут-то у меня всё и сложилось. В январе Гарин встречается с Михаилом Ан-

дреевичем, а месяцем позже наш главный идеолог проходит медкомиссию на Грановского. И что же выясняется? А выясняется, что Суслов здоров! Вроде, и обширный инфаркт перенес, а давление, как у молодого. И ЭКГ фиксирует – сердце в норме! Дальше – больше. Не стало атеросклероза сердечных сосудов. Вот, не стало, и всё! Пропал. Сахарный диабет перешел в легкую форму. А последствия туберкулеза, перенесенного в юности? Ведь Михаила Андреевича не зря прозывали «человеком в галошах» – очень уж боялся простудиться. И не зря. Если для нас насморк или больное горло – неприятность, то для Суслова простуда могла обернуться летальным исходом. И вдруг пораженные участки легких зажили!

– Миша Гарин его исцелил... – вынесла вердикт Наташа, восторженно глядя на генерал-лейтенанта.

– Да! – Иванов звонко шлепнул ладонью по столу. – Синицына я отослал в Москву, надо кое-что проверить, а вам – особое задание.

– Захват Михи? – хищно прищурился Славин.

Холодно глянув на него, Марина проговорила ровным голосом:

– Борис Семенович, если все, сказанное вами, правда, то я не могу участвовать в задержании Миши Гарина. Он меня спас, в общем-то! Я живу благодаря ему!

– Понимаю вас, Марина, – кивнул генерал-лейтенант, близоручко шурясь. – Только никакого захвата не будет, это со-

вершенно исключено. Я получил от Юрия Владимировича совершенно четкие инструкции на этот счет. Но сначала о вашем задании. Миша с товарищами по Центру НТТМ устраивает автопробег до Москвы. Командором пробега будет... Угадайте, кто. Вайткус! Помните, небось?

– Да кто ж не помнит Арсения Ромуальдыча! – забасил Славин, возбужденно елозя.

– Ромуальдыч прихватил в дорогу охотничий карабин, но все же упросил Олейника поспособствовать по части охраны. Дорога дальняя, а тут дети, пусть даже и старшего возраста. Я пообещал Ромуальдычу выделить «дублерку» и трех сотрудников. Вас, – Борис Семенович по очереди оглядел каждого. – Выезжаете вместе со всеми. Помогаете, бдите. А что касается Миши Гарина... Будет очень хорошо, если вы с ним познакомитесь поближе, расположите к себе, подружитесь даже. Только чтоб без обмана! «Хилер» – человек чуткий, сразу насторожится. Ваша задача – убедить Гарина пойти на сотрудничество... Можете обещать всё, что угодно – не обманем! А на случай непредвиденных ситуаций... За вами двинет «дублерка» с подкреплением – Рустам с Умаром и три Ивана будут в вашем полном распоряжении, товарищ Исаева...

Марина замедленно кивнула, принимая неизбежное.

«Миша! Мишенька! – мысленно позвала она. – Что же мне делать, миленький? Как быть?»

Среда, 18 февраля. Утро

Ленинград, Литейный проспект, Большой дом.

Начальник 2-й службы выкроил-таки окошко в плотном графике, и собрал группу у себя. Всех «двенадцать апостолов» капитана Кольцова.

«Тайная вечеря!» – хихикнул мысленно Саша Щукин.

Он первым уселся за длинный стол для заседаний, и украдкой глянул на постное лицо подполковника Горохова.

«Наверное, сочувствует себе, – подумал Щукин. – Жалко же отдавать целых пятнадцать минут на общее дело! Сейчас бы чайку заварил, парочку конфет стрескал... «Гулливер» называются. Как раз на кружку хватило бы...»

Капитан Иванович нахохлился, ожидая, пока все рассядутся, да уgomонятся, и брюзгливо начал:

– Будете работать по теме «Немо». Это – работник МИ-Да, проживает в Ленинграде. Мы прочесали мидовское Дипагентство на Кутузова, и вышли на некоего Сергея Гарбуза... – начальник смолк, пожевал губами в глубокой задумчивости. – Вы вот что... Проявите, уж будьте добры, максимум терпения и осторожности. Тема, по которой вам работать, соприкасается со сверхсекретной операцией «Ностромо», и даже Блеер не посвящен в нее, не говоря уже про меня...

Сосед Александра, старший оперуполномоченный Кольцов, слегка наклонил голову, и сердито зашептал:

– Ты чего улыбишься? Об чем думаешь, младший разведчик Шукин?

– Да это я так, отвлекся, – краснея, Саша принял очень строгий вид.

– Пока что на Гарбуза заведено дело оперативной проверки, – внушительно сказал Капитон Иванович, – и теперь только от вас зависит, продвинемся ли мы дальше, и куда именно. Вопросы есть?

Коренастый мужичок со шрамом на щеке, сидевший напротив Шукина, встал, громыкнув стулом.

– Старший разведчик Тихонов. Товарищ подполковник, а фото объекта...

– Да, да, да! – перебил его хозяин кабинета, выдвигая ящик. – Хорошо, что напомнили... Вот, полюбуйтесь. Оперативная съемка.

Он веером пустил по столу пачку черно-белых фотографий. Шукин живо сцапал одну из них. Снимок не отличался четкостью, но приметы сразу пошли на ум.

Длинная шея с выпирающим кадыком. Вялый подбородок. Большой рот, широкий нос, а глазки крохотные, прячутся в тени кустистых бровей. Малосимпатичный тип, так и хочется задержать. Да наподдать, пока старший оперуполномоченный не видит...

Перетерев все детали, Капитон Иванович указал опергруппе на выход:

– Шуруйте!

* * *

Отслужив, как надо, Саша возвращался не спеша. Девушки у него не было – «по младости лет», как он бодро рапортовал старшим товарищам, а торопиться на квартиру к тете Калерии казалось ему странным. Эта старорежимная особа с вечно поджатыми губами обожала воспитывать оперсотрудника Щукина, то есть отравлять жизнь бесконечными замечаниями, стенаниями и назиданиями.

А тот мелкий, мельчайший, совершенно микроскопический фактик, что воспитуемому двадцать три годика и он в статусе «молчела», игнорировался напрочь.

«Деточка, – дребезжала тетя Лера, высокомерно задирая седую голову, – у нас с тобой слишком разные возрастные категории, чтобы я опускалась до споров. Ужин будет подан через десять минут. Изволь вымыть руки, желательно с мылом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.